

Тимур Лукьянов

Испанский ПОХОД

рыцарский роман

Тимур Леонидович Лукьянов
Испанский поход
Серия «Орден Храма», книга 2

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=639155
Испанский поход: Реноме; СПб.; 2009

Аннотация

Что такое добро и зло? В чем смысл человеческой жизни? Что есть Бог? Автор высказывает свою точку зрения о тайных причинах подготовки Первого крестового похода, о движении крестоносцев, о зарождении духовных рыцарских орденов; пытается найти ответы на извечные философские вопросы.

Книга, написанная на историческом материале, на грани жанров рыцарского романа и фэнтези, переносит читателя в конец эпохи «темных веков», во Францию и Испанию 90-х годов XI века. Главный герой, молодой шампанский рыцарь, будущий основатель ордена Храма, оказывается на переднем крае противостояния вселенских сил света и тьмы. Реальные исторические события и персонажи, интриги и сражения, любовь и вера вплетены в героико-мистический сюжет этой романтической саги.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	27
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Тимур Леонидович Лукьянов

Испанский поход

Щит мой в Боге, спасающем правых сердцем¹.

¹ Библия, Псалтирь, псалом 7, стих 11.

Пролог

Король Франции Филипп I Капет² не представлял для графов Блуа серьезной опасности. Наполовину русский, по материнской линии внук властителя Руси великого князя киевского Ярослава Мудрого, а по отцу – внук короля Франции Роберта Благочестивого, это был человек достаточно умный, но ни мудрости, ни благочестия в нем не было.

С ранних лет, избалованный своей доброй русской матушкой, заимел он привычку много есть, и, склонный к ожирению, в зрелом возрасте он уже сделался настолько обременен массивностью своего тела, что думал по большей части о том, как бы повкуснее поесть и подольше поспать, а не о том, как и с кем следует сражаться за интересы Франции. В народе этого короля называли не иначе, как «добрым». Этим народным прозвищем король был обязан даже не столько своему не в меру располневшему телу, придающему королевской персоне округлый и добродушный вид, сколько почти полному бездействию в делах королевского правосудия. Переложив всю тяжесть принятия судебных решений на крупнейших вассалов короны, государь Франции просто уходил от ответственности. Каким-то особенно добрым, по сравнению с другими монархами, на самом деле Филипп I не был. Скорее, был он бездеятельным, ленивым, боязливым и слабохарактерным, позволяя сначала матери, а потом, после ее смерти, второй жене руководить собой.

Доброты в нем было мало, хотя бы потому, что постоянно нуждаясь в деньгах, он не стеснялся идти на всякого рода низости. Так, Филипп не гнушался грабить итальянских купцов, привозивших товары во Францию, в чем его неоднократно уличал сам великий римский папа Григорий VII³, а распродажа церковных должностей сделалась для этого короля делом обычным. Тот же Григорий VII писал про него, что государь Франции примером своих поступков и образа жизни постоянно подталкивает подданных своих на пути зла.

Несмотря на малоподвижный образ жизни, Филипп был, разумеется, как, наверное, все французские короли и до, и после него, мастером интриг и всю свою жизнь, помимо обжорства, разврата и опосредованного грабежа, только и занимался тем, что срастал между собой тех из могущественнейших своих подданных, которых подчинить короне напрямую никак не удавалось.

Домен самого короля не был еще в то время достаточным, чтобы собрать в одиночку многочисленную армию. Поэтому королю все время приходилось лавировать, опираясь то на одного из самых сильных своих вассалов, то на другого.

На восточных границах государства у Филиппа плохо ладились отношения с императором Священной Римской Империи Генрихом из-за постоянных споров о Бургундии и Лотарингии. На севере доставляла беспокойство Фландрия, проводящая самостоятельную политику, выгодную скорее Дании, нежели Франции. Единственная попытка короля вмешаться во внутренние дела Фландрии провалилась: разбитый в 1071 году при Касселе, Филипп с тех пор уже не затевал крупных походов.

На юге Франции власть короля и вовсе была слабой, и ни Аквитания, ни тем более Тулуза почти не считались с интересами короны. А на западе долгое время король Филипп

² Капетинги (фр. *Capetiens*) – династия французских королей, представители которой правили с 987 по 1328 гг. В истории французского государства – третья по счету династия после Меровингов и Каролингов. Король Филипп I (фр. *Philippe Ier*, 23 мая 1052 – 29 июля 1108) правил во Франции в 1060–1108 гг.

³ Григорий VII (1020–1085) (лат. *Gregorius PP. VII*) – папа римский с 22 апреля 1073 по 25 мая 1085 г. (в миру Гильдебранд итал. *Ildebrando*); окончательно утвердил в католической церкви celibat – безбрачие духовенства. Боролся за политическое преобладание церкви в Западной Европе.

руками графов Анжу и Мэна⁴ пытался сдерживать амбиции могущественного герцога Нормандского Вильгельма, добиваясь сюзеренитета над землями графства Бретань.

Вильгельм Нормандский⁵, известный сначала как Вильгельм Незаконнорожденный, а позднее – как Вильгельм Завоеватель, когда-то нанес тяжелую обиду Капетингам. Будучи бастардом, внебрачным сыном герцога Нормандии Роберта Дьявола и Арлетты, дочери простого кожевенника, Вильгельм рос во враждебном окружении: знать постоянно насмеялась над ним, считая «неблагородным». Но еще при жизни отца именно Вильгельм был объявлен законным наследником герцога Нормандского. Поэтому двенадцать лет после смерти Роберта Дьявола стали годами неповиновения своевольных нормандских баронов. И лишь с помощью своего сюзерена Генриха I Капета, короля Франции, который собственноручно посвятил пятнадцатилетнего Вильгельма в рыцари, ему удалось подавить вспыхнувшее восстание в провинциях Бессин и Котанген. Восставшие бароны хотели свергнуть герцога и поставить на его место правителем его родственника Гая Брионского. Но, усилив свою армию войсками короля Генриха, Вильгельм встретился с восставшими и разбил их в 1047-м году в битве при Валь-Эс-Дюн, около Каена. Эта победа поправила дела молодого герцога, а через год он снова присоединился к армии короля, идущей на войну с их общим врагом Джеффри Мартеллом, графом Анжуйским. И совместными усилиями анжуйцев удалось победить, несколько городов были захвачены, а в 1049 году пала одна из главных крепостей графа Анжуйского, замок Домфрон.

Однако, через несколько лет, окончательно укрепившись среди своих вассалов, неблагодарный Вильгельм повернул оружие против французской короны. Чтобы противостоять ему, Генрих I был вынужден объединиться с недавним своим врагом Джеффри Мартеллом. Дважды эти враги-союзники вторгались в Нормандию, но каждый раз исходом кампании была победа нормандца. В двух сражениях – при Варавиле и при Мортемере – Вильгельм разбил французские войска. Вскоре после этого король франков Генрих I умер, а сама королевская власть ослабла чрезвычайно.

И не удивительно, что сын Генриха I Капета король Филипп, не будучи в состоянии организовать серьезную войну против ставшего слишком могущественным герцога, пытался ему мелко мстить за позор отца. Но Вильгельм Незаконнорожденный к тому времени, разгромив короля саксов Гарольда и получив по праву прозвище «Завоеватель», к своей герцогской короне добавил еще и королевскую корону Англии, и теперь домогательствам Филиппа Вильгельм мог противопоставить силу гораздо большую. И все же, стычки на границах с Нормандией не прекращались.

Пытаясь взять под свой контроль Бретань⁶, в которой укрывались от него англосаксонские беженцы, Вильгельм потерпел поражение от войск французского короля в битве при Доле. После этого французский король поддержал Роберта Куртгеза⁷, старшего сына Вильгельма, восставшего против своего отца. Правда, и это не помогло: восстание было подавлено, а Роберт лишен наследства. Но Филипп не успокоился. Подстрекаемые королем Франции, при посредничестве графа Анжуйского, жители приграничных городов то и дело

⁴ После образования герцогства Нормандии в 913 г. графство Мэн оказалось зажатым между ним и набирающим силу графством Анжу, правители которого постарались подчинить себе Мэн. Жоффруа II Мартел, граф Анжуйский, в 1051 г. захватил Мэн, на который исторически претендовали нормандские герцоги.

⁵ Вильгельм Завоеватель (1027–1087), он же Вильгельм Нормандский или Вильгельм Незаконнорожденный (англ. *William I the Conqueror*; *William the Bastard*), – герцог Нормандии с 1035 г, король Англии с 1066 г; организатор и руководитель победоносного нормандского завоевания Англии.

⁶ Бретань (фр. *Bretagne*) – регион на северо-западе Франции.

⁷ Роберт III (1054–1134), по прозвищу Куртгёз-короткие штаны (фр. *Robert Courteheuse*); герцог Нормандии (1087–1106), старший сын Вильгельма Завоевателя.

поднимали мятежи против Вильгельма. В 1087 году герцог пересек границу французской провинции Вексен, чтобы отомстить за набеги, совершаемые французами на земли герцогства. Рыцари Вильгельма взяли штурмом и сожгли дотла небольшой городок Мант. Но когда сам Вильгельм въехал на пепелище, чтобы осмотреть еще пылающие руины, его конь неожиданно взбесился и сбросил всадника прямо в горящие угли. Через несколько мучительных месяцев, проведенных в страданиях от ожогов и увечий, главный противник короля Франции умер чему Филипп был несказанно рад и в чем видел Провидение Господне.

Избавившись волею случая от Вильгельма, Филипп воспрял духом и решил, что настало время внести значительные изменения в свою личную жизнь. В 1092 году король расторг свой брак с Бертой Голландской, матерью его пятерых детей, и сослал несчастную в монастырь, где бедняжка и умерла от тоски, не прожив и двух лет. Покончив таким образом со своим законным браком, Филипп при посредничестве графа Стефана Блуа вероломно соблазнил и выкрал жену у своего ближайшего друга и союзника Фалька, графа Анжуйского, сына Джеффри Мартелла. Сама же Бертрада де Монфор, пожалуй, не имела ничего против того, что ее похитили у законного мужа: она давно уже была близко знакома с королем, и находила его очень милым. Фальк Анжуйский, напротив, будучи весьма недоволен тем, что король нагло увел у него жену, пытался пойти на Филиппа войной и просил о помощи своего сильного соседа, графа Стефана Блуа, но тот не поддержал Фалька, предпочитая не вмешиваться в конфликт. Впрочем, когда сама Бертрада помирила короля с графом, пригласив бывшего мужа на обед в королевский дворец, Филипп тут же снова «подружился» с графом Анжуйским теперь уже против Вильгельма Рыжего⁸, второго сына и наследника Вильгельма Завоевателя.

Занятый своими интригами против нормандского герцогства, Филипп, этот толстый король, казалось бы, не проявлял особого интереса ко всем прочим событиям в землях Франции. Но так всего лишь казалось. На самом деле, Филипп внимательно наблюдал за всем происходящим в его королевстве, и полнота его в этом никак ему не мешала, поскольку управлял ситуацией он опосредованно, незаметно рассылая верных людей в разные части страны, внедряя шпионов в окружение крупнейших вассалов короны и действуя где-то угрозами, а где-то подкупам.

⁸ Вильгельм II Рыжий (1056–1100), англ. *William II Rufus*, – второй сын Вильгельма Завоевателя, король Англии в 1087–1100 гг.

Глава 1

Люди короля

Через неделю после всех пасхальных торжеств, как обычно, с плотно набитым едой ртом, хотя время обеда давно прошло, а до ужина было еще далеко, сидел Филипп в трапезной королевского дворца в парижском Сите, полулежа, обложенный со всех сторон большими мягкими подушками в огромном резном кресле. Рядом с ним, по правую руку, в кресле не меньшего размера и тоже наполовину лежа в подушках, находилась его молодая супруга Бертрана де Монфор, с которой он, вопреки воле римского папы, благополучно обвенчался с помощью епископа Парижского.

Дородные супруги (а Бертрана любила поесть никак не меньше, чем ее новый муж) ели пироги с дичью, запивая их белым шампанским вином последнего разлива. За трапезой, насколько позволяли их плотно набитые едой рты, венценосная семейная пара вела разговор с Ивом, аббатом Сен-Дени, тайным советником короля, сидящим от монарха слева и тоже принимающим деятельное участие в поглощении пищи.

Аббатство Сен-Дени было воистину святым местом. По старой легенде, сюда, со своей отрубленной головой в руках, пришел с Монмартра первый епископ Парижа святой Дионисий, казненный врагами христианской веры. Волоча за собой свою кровоточащую голову, он, как уверяют, прошел больше трех миль, чтобы упокоиться навечно именно здесь. Еще в 475 году, с благословения святой Женевиевы над гробницей святого построили первую базилику, при которой король Дагобер I учредил аббатство Сен-Дени, где хоронили королей династии Меровингов. Со временем монастырь передали бенедиктинцам, базилика была перестроена и стала главным храмом монастыря. Сам Пипин Короткий⁹, отец императора Карла Великого, был коронован в Сен-Дени как король франков. Здесь же был погребен и внук Карла Великого, император Карл Лысый. Но даже такая святость старинного монастыря не остановила короля Филиппа I перед соблазном симонии¹⁰, когда он без зазрения совести выгодно продал должность настоятеля аббатства духовнику своей любимой Бертраны де Монфор: Филипп I всегда с удовольствием пользовался правом инвеституры¹¹, которое приносило ему немалый доход.

Аббат Ив был весьма хорошо образован, но пользовался дурной славой не только в кругах церковных, а и в народе. Все знали, что должность настоятеля Сен-Дени была им куплена. Но прошлое аббата было темным. Никто с уверенностью не мог сказать даже, как его точно звали до вступления в сан. Люди говорили о нем, что нажил он свои деньги, начав с грабежей на дорогах. А еще говорили, что за высокими стенами в своем аббатстве, больше напоминающем королевский склеп, устраивает Ив кровавые оргии и служит не

⁹ Пипин Короткий (714–768), фр. *Pipin le Bref*, – первый король франков (751–768) из династии Каролингов.

¹⁰ Симония – продажа и покупка церковных должностей или духовного сана, широко практиковавшаяся католической церковью в средние века. Явление получило название по имени иудейского волхва Симона, который пытался выкупить у Святого Петра дар творить чудеса.

¹¹ Инвеститура (от лат. *investio* – облачаю, облакаю) – в средневековой Европе юридический акт передачи земельного владения или должности, закреплявший вассальную зависимость и сопровождавшийся передачей какого-либо символического предмета (кома земли, посоха, кинжала, перчатки и т. д.) от сеньора к вассалу. Обряд передачи совершался после оммажа и принесения клятвы верности. Символический смысл процедуры заключался в переходе обладания предметом от одного лица к другому. Обычай восходит к обряду дарения, известному у примитивных народов, когда акт вручения подарка подразумевает в будущем получение ответного дара и устанавливает таким образом связь между двумя лицами. Инвеститура в этом смысле представляет собой акт отдаривания со стороны сеньора, который вручает вассалу собственность в обмен на клятву вассала в верности. Особым видом инвеституры была церковная инвеститура, состоявшая в назначении на церковные должности и введении в сан. Она сопровождалась двумя актами: вручением посоха и кольца, символизирующих духовную власть, и передачей скипетра – символа светской власти.

Богу, а Сатане. Как бы там ни было, должность свою этот человек приобрел за весьма хорошую плату через Бертрану де Монфор, и уже при ее посредничестве приблизился к королю. Бертрана, будучи женщиной суеверной, всегда придавала большое значение всевозможным гаданиям, приметам и толкованиям снов, а Ив Сен-Дени как раз по этой части считался знатоком непревзойденным, потому что на самом деле аббат Ив был астрологом и алхимиком. С его приходом в аббатство монахи из Сен-Дени, сидевшие раньше безвылазно в своем аббатстве, ни с того ни с сего зачастили в паломничества по святым местам, и не стало теперь в центральной Франции такого места, где бы этих монахов нельзя было встретить, ибо не случайно говорили в народе, что есть они глаза и уши короля.

Внешне же аббат Сен-Дени выглядел человеком любезным и обходительным, или, скорее, хотел таковым казаться, но иногда из-под этой маски все же проглядывала его истинная сущность.

– Какое все-таки прекрасное вино делают в Шампани! – нахваливал король светлый напиток, глядя в свою большую, серебряную с золотом чашу удивительной выделки, привезенную когда-то вместе с другим приданным юной королевы из далекого Киева и подаренную Анной Ярославной ему, своему любимому дитяти, вместе с другими красивыми вещами русской и византийской работы на день коронации. Теперь же, эта драгоценная чаша была еще более дорога Филиппу как память об умершей матери.

– Да, вино восхитительно, – поддерживал короля аббат Ив, – жаль только, что граф Шампанский в последнее время мало его присылает в Париж. Видно, не все так хорошо у нас по соседству, ваше величество.

– С чего вы решили, что с графом Шампанским что-то нехорошо? Что с ним может быть плохо? Насколько я знаю, он еще очень молод и здоров, – продолжая жевать, произнес король.

– Не о его здоровье речь, ваше величество. Просто, как мне кажется, в Шампани плетутся какие-то козни, – сказал Ив.

– Вряд ли, аббат. Ну на что графу Гуго – так, кажется, зовут младшего брата нашего друга Стефана Блуасского – строить козни? А вина стало меньше просто оттого, что все последние годы не выдалось урожайными, что уж тут подделаешь! Правитель Шампани давно уже ни с кем не воюет. Сидит себе спокойно этот Гуго в своем тихом Труа, и пусть сидит, – произнес король, запивая очередной ку сок пирога шампанским.

– Это-то и настораживает, ваше величество. Чего этот молодой граф так тихо сидит? Как-то даже странно. Вы знаете, наша монастырская братия иногда выходит за пределы обители, чтобы поклониться святым местам, и по дороге слышит, что говорят в народе, – произнес аббат.

– И что говорят? – поинтересовался король, продолжая жевать.

– Говорят, например, что на эту Пасху в Труа приезжал лотарингский герцог Готфрид Бульонский со своим родственником епископом Лютехским, и что в столице Шампани устроили большой турнир в их честь, и что ваш друг граф Стефан тоже был там, – сказал священнослужитель.

– Ну и что? Я знаю, Стефан мне говорил еще зимой, что при посредничестве своего младшего брата он постарается уладить вопрос о нейтралитете с Лотарингией, чтобы она не подумала двинуться на нас с востока, пока мы на западе возимся с нормандцами, а на севере граф Фландрский при поддержке датчан все время мутит воду. Герцог Нижнелотарингский как раз сильно смягчился за последнее время, и теперь с ним сделалось возможным разговаривать, а раньше он был настолько воинственным, что и подойти-то было страшно. А заставы младшего брата Стефана Блуа как раз вместе с нашими отрядами охраняют границу с этим герцогством. И знаете, аббат, как мне сразу после Пасхи написал Стефан, на встрече с герцогом все удалось уладить, – сказал король, протягивая руку к следующему пирожку.

– Но почему они не могли провести эту встречу, например, в Реймсе, не так далеко от границы и в присутствии верного вам архиепископа? Зачем понадобилось приглашать этого кровавого герцога Бульонского так далеко вглубь страны? А вдруг бы он начал грабить окрестные селения? – озабоченно произнес настоятель Сен-Дени.

– Наверное, аббат, Стефану так было удобнее. Не самому же ему, в самом деле, к этому опасному герцогу ехать, – прочавкал Филипп.

– А еще, ваше величество, наша монастырская братия слышала, что перед этой Пасхой в Труа состоялось некое собрание неких людей. Довольно странное собрание, – сказал Ив.

– Пожалуй, аббат, за стенами вашей обители осведомлены лучше, чем у нас при дворе. Ни о каком странном собрании я ничего не слышал. Так о чем там шла речь? – спросил король.

– Это и неизвестно. Но само собрание состоялось во дворце графа в Труа а. это засвидетельствовано достоверно. И доступ туда хорошо охранялся, – проговорил аббат.

– И вы не догадываетесь, о чем говорили там? – спросил король.

– Нет, ваше величество. Туда не допускали посторонних, даже монахов. Я смею только предполагать. Потому я и сказал вам, что в Шампани, возможно, что-то замышляется, и мой долг обязывает меня предупредить вас, – поведал Ив.

– И что же все-таки, по-вашему, может там замышляться? – король уже казался заинтересованным.

– Братья из нашего аббатства видели там много северян, в том числе и из Фландрии, много еретиков и людей с юга, прикладывающих руку к сердцу и произносящих при встрече имя Спасителя. Говорят, что всем этим заправляет какой-то человек, именующий себя аббатом Мори, который прибыл, якобы, из Святой Земли, не так давно появился в окружении графа Гуго и сильно влияет на него. Не зреет ли там заговор, ваше величество? – вкрадчиво произнес настоятель Сен-Дени.

– Какой еще заговор? – недоверчиво спросил король.

– Ну, скажем, не заключили ли эти графы Блуа за вашей спиной тайный союз с Готфридом, Фландрией и с Тулузой против вас? – провозгласил Ив.

– Да неужели мой друг Стефан пойдет на такое? – произнес король, перестав жевать. Выглядел он растеряно. Маленькие свинячьи глазки его быстро моргали.

– Как учит нас история, друзей и ближайших родственников надо более всего опасаться, ваше величество, – назидательным тоном заговорил аббат.

– Каин был братом Авеля, а Брут был другом Цезаря. И вспомните, отец Стефана граф Тибо и тем более, его дед Эд, уже выступали с оружием в руках против французской короны. А ведь и Стефан сейчас силен. У него триста крепостей, а у вас, ваше величество, и двухсот не наберется.

– Но даже если он и решится на подобную подлость, чему я поверить уж никак не могу, неужели же Фландрия и Тулуза поддержат его? И, не понимаю, какой интерес во всем этом может быть для герцога Готфрида?! – воскликнул король, откладывая очередной пирожок с дичью, который хотел было отправить в рот.

– А почему бы Фландрии и Тулузе не поддержать Стефана? Роберт Фландрский, хоть далеко не так богат и мощен, как граф Стефан, но давно уже ведет себя более как вассал датского короля, нежели как ваш подданный. Его дружинники свирепствуют в северных землях, разоряя мелких соседей. Чего стоят одни только тайные дела графа Роберта с Византией за вашей спиной! Кто дал ему право подружиться с схизматиками? Уже не один год ведет он переписку с Алексеем Комниным. Больше того, этот граф посылает на службу к василевсу¹² своих рыцарей! А это само по себе уже предательство короны Франции и всего

¹² Василевс или базилевс – византийское наименование императорского титула.

дела святой Римской церкви. А если говорить о графе Тулузском, то это человек еще более опасный. Крепостей у него только немногим меньше, чем у Стефана, но зато какие это крепости! Один лишь Каркассон стоит десятка обычных замков. К тому же, кроме крепостей, Раймунд Тулузский недавно собрал армию в тридцать тысяч копий и пока держит ее при себе. Но, без сомнения, его армия долго не будет сидеть без дела. Граф Раймунд и так уже подчинил и обложил данью почти всех своих соседей и, уверяю вас, сир, на этом не остановится. Жажда власти погонит его дальше. Возможно, на восток, а может быть, и сюда, на север. Что же касается привлечения ко всему этому герцога Готфрида Нижнелотарингского, то – это же прямой выход на императора Германии Генриха. И в самом деле, почему бы заговорщикам не заручиться поддержкой немца, скажем, в обмен на герцогство Бургундское, в случае успеха их заговора? – продолжал запугивать монарха аббат.

Выслушав все это, король Франции побледнел и вовсе позабыл о еде.

– До беседы с вами я, признаться, и не задумывался, что подобный расклад возможен. Неужели же все так серьезно? И что же вы предлагаете? – промямлил Филипп, опустив глаза.

– Ничего, ваше величество. Пока ничего. Возможно, дело не зашло еще далеко. Нужно просто повнимательней присмотреть за ними, чтобы выяснить, кто такой этот аббат Мори, что связывает Труа с Фландрией, с герцогом Готфридом и с Тулузой. Вот пока и все, – произнес аббат.

– Так пошлите туда своих монахов, – предложил король.

– Монахи уже увидели то, что смогли увидеть, ваше величество. Увы, наших монахов пускают не всюду. Например, во дворец графа Шампанского им не проникнуть. А посему, хорошо бы послать для сбора сведений кого-нибудь посерьезней, кого-нибудь облеченного властью, какой-то, скажем, небольшой отряд доблестных рыцарей, людей короля, преданных и наделенных определенными полномочиями, способных перехватить гонцов графа Шампанского и допросить их, либо проследить за ними, либо, в случае опасности для вашего величества, задержать их или даже уничтожить. Короче говоря, нужно послать людей решительных и способных вашим именем навести порядок, – сказал Ив.

– Хорошо, аббат, мы с королем подумаем над всем этим, а вы идите. Мне что-то хочется лечь в постель, – вмешалась в беседу молчавшая до этого Бертрана де Монфор. Ей давно уже весь этот разговор наскучил, и одолела зевота. К тому же она действительно чувствовала себя неважно, поскольку ожидала уже младенца от Филиппа. Самым бесцеремонным образом она растолкала короля и подняла его с кресла. И под ручку эти два пухлых существа, король и королева, побрели в спальню.

Но король не забыл о том разговоре с аббатом Сен-Дени, и уже через два дня небольшой отряд всадников выехал из ворот Парижа в сторону Труа. Впереди ехал могучий седящий рыцарь в темно-синем плаще с вышитой на левой стороне груди золотой лилией – знаком французского королевского дома. За ним следовали семь всадников в таких же темно-синих плащах, но без всяких знаков, а сзади них под черным плащом с капюшоном на кау-рой кобыле скакал священник.

Ехавшего впереди рыцаря звали Александр де Ретель, и он носил титул барона. А последнего всадника звали Эдуард Пиоре, и носил он звание дьякона. Первый происходил по матери из старинного французского рода и из не менее славного русского рода по отцу. Отец его прибыл во Францию из Киева в качестве одного из дружинников великого князя Ярослава Мудрого, сопровождавших приданое молодой княжны Анны Ярославны, да так и остался во Франции, служа верой и правдой ее величеству королеве. За эту службу ему от короны был пожалован титул барона. И теперь сын продолжал традиции отца, являясь преданнейшим слугой любимого сына королевы Анны – его величества короля Филиппа.

Происхождение Эдуарда Пиоре было, напротив, неясным и темным, как и многое в окружении нового настоятеля Сен-Дени, поскольку Эдуард был тайным слугой аббата Ива и своим положением был обязан только ему.

Аббат Сен-Дени сказал королю Филиппу не все. Незадолго перед их разговором в парижском Сите, глубокой ночью, аббат Ив, уединившись и наглухо заперев двери, сидел в своей комнате на самом верху Северной башни¹³ вверенного ему аббатства. Братия монастыря считала, что их настоятель молится, но он не молился. Его комната, расположенная вдали от других жилых помещений монастыря и отгороженная тремя расположенными друг за другом и надежно запирающимися дверями и крутой винтовой лестницей, не была кельей или молельней. Скорее чем-то напоминала она библиотеку, потому что книги и свитки пергамента лежали повсюду внутри этого довольно просторного небольшого зала, а на стенах висели астрологические таблицы и карты, испещренные странными значками и линиями. Но и библиотекой эта комната не была в полном смысле, поскольку помимо старинных свитков и инкунабул¹⁴, некоторые из которых являли собою жалкое зрелище, нещадно пострадав от времени, здесь находилась масса других предметов. Черепа и кости людей и животных, куски различных минералов, странной формы светильники и сосуды, ступки и тигли, какие-то инструменты, кузнечные меха и наковальня, жаровня и угли и маленькая плавильная печь в углу Хозяин комнаты недаром слыл алхимиком.

Аббат Ив смотрел в большой прозрачный кристалл горного хрусталя, освещенный пламенем свечи. И это пламя, преломляясь и отражаясь в глубине хрусталя, постепенно росло и принимало отчетливую форму. Повелитель Вечного Пламени снова возникал перед Ивом. Голос Повелителя был низким и хриплым, но никто, кроме аббата, не слышал его, ибо звучал он не из глубин хрустального кристалла, а раздавался прямо внутри головы самого аббата, и никуда не деться было ему от этого страшного голоса:

– Время приходит. Пора. Пойди и возьми то, что принадлежит нам по праву. Но сначала убери с дороги врагов. Действуй руками короля.

¹³ Северная башня была снесена в ходе реконструкции аббатства Сен-Дени, проводимой аббатом Сугерием в 1137–1144 гг.

¹⁴ Инкунабула – старинная рукописная книга.

Глава 2

Убийство на дороге

Погода благоприятствовала походу. Небо оставалось безоблачным, и солнце постепенно просушивало влажную весеннюю почву. Шампанские рыцари благополучно миновали границу владений графского дома Блуа. Довольно быстро продвигался отряд на юго-восток. Первые несколько дней пути прошли спокойно. Без каких бы то ни было неприятностей удалось миновать земли герцогства Бургундии, вассальные французской короне.

Командир отряда Гуго де Пейн вел всадников осторожно, стараясь в точности следовать указаниям графа Шампанского. С помощью проводников заставы и замки, во избежание лишних вопросов, по возможности старательно обходили стороной. Англичанин Джеральд Хромой Джек умел отлично ориентироваться на незнакомой местности и почти всегда выбирал самый короткий путь. Молодой травник Яков, как оказалось, тоже неплохо владел навыками следопыта. По характеру растительности он мог сказать, луг перед ними или скрытая топь, далеко ли до воды, хорошее ли место для ночлега или плохое. Оба проводника умели находить стороны света по звездам, по солнцу и даже по коре деревьев. Но больше всего удивляли способности монаха. Когда оба проводника сбивались с пути, теряя тропу в лесной чаще, брат Адамус останавливался, на миг закрывал глаза и указывал верное направление своим посохом. И пока он ни разу не ошибся.

Города они обходили, а в деревни заходили лишь изредка, и то только для того, чтобы как следует накормить лошадей и пополнить припасы. В полдень шампанские рыцари делали привал и давали коням небольшой отдых, с наступлением темноты разбивали лагерь, выставляли караул и ужинали, с первыми проблесками рассвета завтракали, сворачивали лагерь и ехали дальше. Встречающиеся на пути небольшие сторожевые разъезды местных мелких властителей, видя перед собой многочисленных и хорошо вооруженных рыцарей, едущих на войну за христианскую веру в далекую Испанию, пропускали отряд без лишних пререканий, а волки и разбойники разбегались, едва лишь завидев их.

Неприятности начались возле Шалона. По дороге, в лесу, Хромой Джек, ехавший впереди всех, заметил сквозь ветви придорожного кустарника что-то подозрительное. Немедленно оруженосец спешил и решил проверить, что же там скрывается за кустами. Почки на ветках давно полопались, но листва еще только пробивалась, позволяя видеть сквозь заросли подлеска. Через мгновение обнаружилось, что в кустах лежит мертвый гнедой рыцарский конь. Он был под седлом, но без седока.

Мертвого коня внимательно осмотрели. В боку коня, под ребрами, торчали две стрелы, добротно сделанные тисовые дорогие стрелы с хорошим оперением. Конь потерял много крови и умер. Судя по клейму и седлу, он происходил из конюшен графа Шампанского. Один из оруженосцев узнал коня по форме небольшого белого пятна на лбу. Сомнений не было: коня звали Росселин, и принадлежал он Бертольду, оруженосцу рыцаря Амбруаза де Руже, того самого рыцаря, который был послан графом Шампанским в Шалон, чтобы подготовить припасы и свежих коней для отряда. Похоже было на то, что конь уже довольно долгое время лежал в зарослях там, где его нашли. Теперь предстояло понять, кто же виновник его гибели? И где владелец коня, не случилось ли и с ним страшное? Первой напрашивалась мысль о лесных разбойниках.

Отряд остановился. С мертвого коня сняли седло и уздечку. Гуго де Пейн приказал воинам надеть шлемы и прочесать местность вокруг. На влажной весенней земле хорошо отпечатались следы коня, и несколько рыцарей и оруженосцев во главе с де Пейном двину-

лись по этим следам. Следы привели за поворот дороги, примерно на полмили впереди от того места, где нашли труп коня.

Здесь, похоже, не так давно произошла схватка. Земля была истоптана, а поскольку дорога тут шла по дну небольшого овражка, все следы долгое время оставались хорошо видны на влажном суглинке, тем более что ездили по этой дороге нечасто, а дождей несколько последних дней не было. Склоны овражка густо заросли ельником. Чуть дальше у оврага имелось достаточно широкое ответвление, ведущее в лесную чащу. «Прекрасное место для засады» – отметил про себя Гуго де Пейн.

– Несколько лошадей здесь встретились, – сказал Хромой Джек, внимательно осматривая землю, – судя по следам, двое всадников ехали по дороге в сторону Шалона. Без сомнения, у одного из них был тот самый конь, которого я нашел. Видите на отпечатке правого переднего копыта маленькую щербинку? На этом коне ехал оруженосец: он следовал позади второго коня, покрупнее, скорее всего, того коня, на котором ехал сам де Руже. Трое других всадников выехали из леса навстречу двум всадникам, еще четверо догоняли их сзади. Вот здесь они дрались, видимо, на мечях, потому что съехались очень близко. Потом те четверо подскакали сзади и, похоже, ведомого всадника, то есть оруженосца Амбруаза де Руже, сбросили с коня. Вот, видите эту вмятину, следы ладони и пятна крови? Он упал, будучи раненым. Кстати, и еще один упал с коня вон там, но приподнялся, опершись на левую руку. Вот и следы его сапог. Он встал на ноги. Но и кровь там возле следов есть. Видно, Амбруаз все же кого-то порезал, но не слишком сильно, раз упавший поднялся. Дальше следов сапог нет, видимо, упавших посадили на коней, и увезли. Следы всех лошадей, кроме коня оруженосца де Руже, уходят в глубь леса.

– Так, может быть, оруженосец де Руже все же вырвался из засады и ускакал? – спросил Гуго де Пейн с надеждой.

– Нет, его конь ускакал без седока. Посмотрите, мессир, отпечатки копыт уже гораздо менее вдавленные. Гнаться за ним не стали, но, видимо, в след ему пустили те самые стрелы, что торчали из его бока. Конь поскакал обратно по дороге, но вскоре обессилел и за поворотом свалился в придорожные кусты, – поведал следопыт.

– С конем все ясно, но что тогда случилось с оруженосцем и с самим Амбруазом? Этот рыцарь – мой родственник, кузен, двоюродный брат. Он отважный боец, но если с ним сделали что-то плохое, я найду тех людей, и они ответят. Я хочу знать, что с ним, – встрял в разговор встревоженный Эндрю де Бов.

– Тогда немедленно поезжайте вот по этим следам, мессир, – сказал Хромой Джек, и все рыцари тронули коней.

Через некоторое время по следам лошадей они выехали на небольшую лесную полянку. Страшное зрелище ждало их там. На дереве под ветром раскачивался, подвешенный вниз головой, труп светловолосого мужчины. Горло бедняги было перерезано. Перед смертью этого человека жестоко пытали. Рядом виднелись остатки костра: несчастного мучили каленым железом. Несколько человек сразу узнали повешенного, несмотря на все ужасные раны, покрывающие голое, посиневшее, обескровленное тело. Это был Амбруаз де Руже.

– Клянусь всеми святыми апостолами, кто бы это ни сделал, он умрет не менее страшно! – вскричал Эндрю де Бов, увидев печальную участь своего родича. Он подъехал к убитому, перерезал кинжалом веревку и спустил тело с дерева. Все остальные спешили вокруг, молча сняли шлемы и перекрестились.

– Теперь будьте осторожны вдвойне, Гуго, ибо тьма взяла наш след, – прошептал капеллан¹⁵ отряда брат Адамус, стоящий рядом с де Пейном.

¹⁵ Капеллан (от лат. *capellanus*) – в Римско-католической Церкви и англиканской церкви: 1) священник при часовне (капелле) или домашней церкви, а также помощник приходского священника; 2) священник в армии.

– У вас есть какие-то подозрения? – тихо спросил монаха де Пейн.

– Пока нет. Но я явственно ощущаю печать мрака на этом месте. Недавно один из слуг дьявола побывал здесь. И судя по всему, наши враги, кем бы они ни оказались, серьезно настроены, – произнес старик, и от этих слов де Пейну стало не по себе, он даже поежился под теплым гамбизоном¹⁶ от внезапного холода, пробежавшего по спине. Хорошо еще, что другие рыцари не слышали слов монаха.

– А можете ли вы еще что-нибудь сказать об убийцах, брат Адамус? – спросил рыцарь.

– Почти ничего. Все тончайшие следы стерты серым туманом, а это говорит о том, что тот, кто побывал здесь, обладает силой воздействия на тонкие материи. И сила его темна, – сказал монах.

– Но почему вы сказали, что тьма взяла наш след? Вы уверены, что эти всадники выслеживают именно нас? Может быть, это просто лесные разбойники, – предположил Гуго.

– Я хотел бы, чтобы это было не так, но случайностей не бывает на наших путях, мой юный друг, – тихо промолвил монах.

– Но зачем же они нас ищут? – спросил де Пейн.

– Чтобы помешать нашему делу. Думаю, их послали специально для этого, – медленно проговорил Адамус.

– И кто же их послал, по-вашему? – снова задал вопрос командир отряда.

– Хотел бы я знать, добрый рыцарь, но не знаю. Мне ясно только одно: это опасные враги, и тот, кто послал их, еще более грозный враг, и мы обязаны остановить приспешников Сатаны, – произнес капеллан негромко, но глаза его сверкнули решимостью.

Тем временем из лесу донеслись возбужденные голоса: неподалеку в кустах нашли убитого оруженосца Бертольда с кинжальной раной под левой лопаткой. Мертвых завернули в найденные здесь же их собственные синие плащи и решили везти в Шалон, чтобы там похоронить достойно. Шампанские рыцари прочесали весь лес по обе стороны от дороги вглубь на целую милю, но больше ничего не обнаружили. Оружие, доспехи и боевого коня Амбруаза де Руже убийцы забрали с собой. Следы их терялись на берегу небольшого ручья. Похоже было, что дальше, чтобы скрыть следы, убийцы, словно предчувствуя погоню, пустили коней по мелкой воде. Несмотря на настойчивые просьбы де Бова и нескольких его ближайших товарищей, Гуго де Пейн прекратил преследование. Нельзя было терять время, ведь теперь в Шалоне им предстояло самим со всеми договариваться и покупать припасы, да и убийцы наверняка уже ушли слишком далеко: судя по состоянию тел погибших, с момента убийства прошло не меньше двух дней.

Всю оставшуюся часть пути в Шалой командир отряда и капеллан ехали впереди. Они молчали, слушая, как позади, негромко переговариваясь, рыцари строили догадки, что же случилось с де Руже и его оруженосцем. Возможно, на дороге они стали жертвой разбойников. Но тогда почему разбойники не взяли ни их дорогие плащи, ни не менее дорогую сбрую убитого коня? И зачем этого благородного коня убили, вместо того чтобы поймать и продать за хорошие деньги? В то же время все оружие у рыцаря и оруженосца забрали. Рыцарского коня тоже увели. Какие-то странные разбойники. Да и обычно разбойники не ездят на конях и не сражаются в ближнем бою на мечях, а прячутся пешими в засадах за придорожными кустами и деревьями и стреляют в жертву из луков, а затем, перегородив дорогу раненому, добивают дубьем или топорами. А здесь, похоже, действовали рыцари, но какие же рыцари нападают с двух сторон сразу, да еще и всемером на двоих, и колют противников в спину? Разве же это рыцари? Хотя, конечно, рыцари-разбойники вроде Бертрана де Бовуар тоже не редкость. Но с чего бы каким бы то ни было разбойникам зверски пытаться свою жертву? Неужели им было мало тех денег, которые погибший вез с собой, чтобы купить припасы

¹⁶ Гамбизон – куртка из простеганного войлока, надеваемая под доспехи для смягчения последствий ударов.

и свежих лошадей в Шалоне? Ведь ясно, что Амбруаз де Руже не был купцом и не прятал золота по тайникам. Может, это кровная месть? Но кто мог знать, что Руже поедет по этой дороге? Шампанские воины терялись в догадках. Слишком многое в этом деле оставалось неясным. Поняв это, дружинники постепенно прекратили все пересуды.

Вопреки ожиданиям, сбор сведений о том, что же на самом деле замышляет Шампанский граф и как это касается короля Франции, продвигался с большим трудом. В качестве первого успеха людям короля удалось подкупить шамбеллана¹⁷ графа Шампанского и выяснить, что какую-то тайную игру этот граф все же ведет, и при его дворе существует некий узкий круг лиц, которые и принимают все тайные решения вместе с самим графом.

И хотя проникнуть в этот круг для постороннего не имелось никакой возможности, но с помощью все того же шамбеллана людям короля удалось хотя бы точно определить этот круг. В него действительно входили всего несколько человек. То были оруженосец по прозвищу Молчаливый Анри, он же цирюльник и виночерпий молодого графа; капитан городской стражи Труа Андре де Монбар; рыцарь для особых поручений Амбруаз де Руже; еще один рыцарь для особых поручений, совсем недавно поступивший на службу, некто Гуго из Пейна; и духовный наставник графа, капеллан при графском дворе, некий аббат Мори, прибывший в Труа чуть больше года назад, по слухам, из Святой Земли.

Ни сенешаль¹⁸, ни коннетабль¹⁹, ни сам шамбеллан в ближайший круг особо доверенных лиц графа не входили, что само по себе уже настораживало. Какой-то заговор явно зрел при дворе графа. Но что конкретно готовилось, понять пока не представлялось возможным. Барон де Ретель понимал, что необходимо каким-то образом раздобыть сведения из первых рук, то есть из этого самого ближнего круга правителя Шампани. Сделать же это было весьма затруднительно.

Людям короля помог случай. За Амбруазом де Руже они следили от самого Труа. Продажный шамбеллан предупредил их, что граф зачем-то отправляет этого рыцаря в Шалон. Люди короля подсаживались к Амбруазу в придорожных трактирах, подслушивали его разговоры с собственным оруженосцем, но все было тщетно. В пути ничего узнать так и не удалось, а Шалон между тем был уже близко. И тогда они решились перехватить рыцаря, устроив засаду в узком месте дороги. Место в овраге казалось подходящим: во всяком случае, свидетелей здесь можно было не опасаться.

Когда де Руже и его оруженосец выехали из-за поворота, три всадника перегородили им дорогу, а еще четверо выступили из придорожных зарослей позади шампанцев.

– Не бойтесь, Амбруаз, мы не причиним вам вреда, – обратился к рыцарю барон де Ретель, выехав навстречу и подняв правую руку в знак приветствия.

– Я не из пугливых, но откуда вы знаете мое имя, кто вы такие и чего вам надо? – настороженно спросил де Руже, положив руку на рукоять меча.

– Меня зовут барон Александр де Ретель. И я представляю интересы короля Франции, – провозгласил могучий рыцарь с лилией на груди, вышитой золотом на темно-синей ткани плаща.

– И чего же хочет от меня король? – спросил Амбруаз, не особенно торопясь отпустить рукоять своего клинка.

– Нам кажется, что вы располагаете кое-какими сведениями, важными для безопасности короны, – сказал королевский посланник.

¹⁷ Шамбеллан – одна из важнейших должностей при дворе феодальных государей, был главным действующим лицом в церемонии принесения феодальной присяги, вел реестр должностей, являлся смотрителем имущества, апартаментов и гардероба.

¹⁸ Сенешаль – глава исполнительной власти при феодале.

¹⁹ Коннетабль – командующий войсками при феодале.

– Это какими же? – Амбруаз еще более насторожился.

– Надеюсь, вы сами расскажете нам, – произнес барон де Ретель, лукаво улыбнувшись.

– Я не понимаю, о чем вы говорите. Вы хотите оскорбить меня, барон? – с вызовом произнес рыцарь графа Шампанского, на одну треть вытащив лезвие меча из ножен. Недобро сверкнула сталь.

– Я никоим образом не хочу задеть вашу честь, шевалье. Скажите лишь, зачем вы едете в Шалон? – задал вопрос де Ретель.

– Я выполняю поручение своего сюзерена, и ни к вам, сир, ни к нашему королю, да будет он здоров, моя поездка не имеет отношения, – сказал шампанец.

– И все же я хочу знать, что это за поручение, шевалье, – продолжал настаивать барон.

– Я не разглашаю таких вещей, – отрезал де Руже, нахмурившись.

– Понимаю. Но мы хорошо заплатим, – предложил королевский рыцарь, но сразу понял, что сказал лишнее: голубые глаза шампанца словно подернулись льдом, а клинок его тут же вылетел из ножен.

– Вы что, барон, за проститутку меня принимаете? Я не продаю секреты своего сюзерена. Лучше уйдите с дороги! – вскипел шампанский рыцарь и, подняв меч, дал коню шпоры.

– Остановитесь! Уберите оружие! Никто не желает вас оскорбить. Мы просто хотим с вами договориться! – прокричал барон, загоразивая дорогу шампанскому всаднику своим конем.

– Мне не о чем говорить с вами, хотя бы потому, что вас семеро, а нас только двое. Дайте дорогу! За мной, мой верный оруженосец! – выкрикнул де Руже, размахивая мечом. Этот рыцарь не первый раз попадал в подобные засады, и расклад двое против семи отнюдь не казался ему безнадежным. Будучи высокого роста и могучего телосложения, он привык полагаться в качестве защитной меры на атаку. И сейчас он полагал, что сможет прорваться.

Но люди короля не собирались их пропускать, продолжая загоразивать узкий проезд. И тогда де Руже первым нанес удар. Сталь длинного клинка просвистела в воздухе и рассекла темно-синий плащ барона, не задев, правда, его самого, поскольку в последний момент де Ретель уклонился от удара, резко пригнувшись к гриве коня. Иначе он рисковал остаться без головы.

Кони королевского отряда попятились и заржали, всадники выхватили оружие. Шампанский рыцарь снова взмахнул мечом, надеясь прорваться. Кто-то из людей барона вскрикнул и упал с лошади.

– Взять их! – отдал команду барон. И на шампанцев наскочили одновременно со всех сторон. Засверкали отточенные клинки, зазвенела сталь.

Рыцарь графа Шампанского и его оруженосец не спешили сдаваться. Они яростно отбивались. Прежде, чем погибнуть, шампанцы намеревались забрать с собой в лучший мир добрую половину нападающих. Но люди барона не собирались соблюдать правила чести. Пронзенный в спину тонким кинжалом сквозь кольчугу, повалился с коня оруженосец шампанского рыцаря, а самого рыцаря окружили и, зажав щитами со всех сторон, выбили из его рук оружие: в отряде барона были только самые сильные и опытные бойцы.

– Теперь вы наш пленник, Амбруаз. Вы не хотели разговаривать по-хорошему, так теперь придется поговорить по-плохому, – сказал барон захваченному шампанцу, и приказал своим людям: – Связать его!

И Амбруаза действительно связали, а страшные следы учиненных затем над пленником издевательств были обнаружены шампанским отрядом...

В скорбном молчании подъехали шампанцы в послеобеденное время к Шалону. Город окружал широкий ров, а за рвом на земляном валу – частокол из вкопанных в землю заостренных бревен, торчащих вверх на полтора человеческих роста. Частокол издали

выглядел грозно, но на самом деле был он гнилым и старым, ров местами сильно обмелел, а мутная вода в нем застоялась и пахла болотом. Дальше за частоколом виднелись несколько крыш, еще одна стена из камня и высокий каменный донжон замка. Там, за оградой, около самой воды находился маленький городок на берегу реки Соны.

Подъемный мост через ров со стороны города был опущен. Путь путникам от дороги к мосту преграждал только барбакан, представляющий собою довольно высокую сторожевую башню с воротами возле нее и с куском крепостной стены, грубо сложенной из камня и расположенной так, что оба ее конца заканчивались на середине рва, и вода окружала их со всех сторон, делая обход предвратного укрепления вокруг невозможным без купания во рву.

На расстоянии чуть больше полета стрелы от предвратного укрепления Гуго де Пейн приказал отряду остановиться. Сам он выехал вперед, но несколько рыцарей, нарушая его приказ, все же последовали за ним. Перед барбаканом Гуго затрубил в рог. Почти тотчас с башни над воротами их окликнули.

– Эй, кто вы такие, и что вам нужно в Шалоне? Почему вы пришли сюда вооруженными? – прокричал сверху стражник в начищенном шлеме, высунувшийся из-за каменного зубца, – по-видимому, начальник караула. Гуго заметил, как по обеим сторонам от него между зубцов ограждения караульной площадки четверо лучников натянули свои луки.

– Мы рыцари из Шампани и везем письмо к кастеляну де Бресси от графа Шампанского! – прокричали сразу несколько голосов.

– Что-то многовато гонцов. Я не могу пустить вас в город! – выкрикнул страж.

– Эй, ты, на башне! Кончай разговоры! Мы пришли в Шалон с миром, как добрые соседи, но недалеко отсюда убили двух наших товарищей, рыцаря и оруженосца, и мы хотим разобраться с этим. Так что не испытывай наше терпение, открывай ворота, братец, пока мы не разнесли их! – громогласно провозгласил Фридерик де Бриен. и несколько других рыцарей поддержали его.

– Ну, чего вы орете? Если вы пришли с миром, то подождите немного, пока сюда придет капитан стражи. Я уже послал за ним, – ответил стражник с башни.

Ждать действительно пришлось недолго. Вскоре на башне появился высокий темноволосый мужчина без шлема и сразу спросил:

– Что за ополчение собралось под стенами Шалона? Я вижу знаки Шампани и надеюсь, что вы не враги.

– Мы не враги вам. Мы друзья и пришли с миром из Труа, – раздался хор голосов снизу.

– Кто командир этого отряда? – спросил темноволосый.

– Опоясанный рыцарь Гуго, шателен Пейна. А с кем говорю я? – спросил де Пейн, подъехав почти к самым воротам.

– Эдгар де Клерер, капитан стражи Шалона, к вашим услугам. Куда и по какому делу вы следуете при оружии через земли герцогства Бургундского? – прокричал человек на башне.

– Мы направляемся в Арагон на войну с маврами²⁰, – ответил Гуго де Пейн.

– Тогда вы едете весьма странной дорогой! – воскликнул капитан городской стражи.

– В Аквитании неспокойно, поэтому граф Шампанский послал нас этой дорогой, ибо герцог Бургундский добрый его сосед, – объяснил командир шампанцев.

– А что вам нужно в Шалоне? – спросил капитан.

– Я везу письмо от графа Шампанского монсеньору²¹ де Бресси, кастеляну Шалона! – прокричал Гуго.

²⁰ Мавры (лат. *Mauri*) – название (наряду с термином «сарацины») в средневековой Западной Европе мусульманского населения Пиренейского полуострова и западной части Северной Африки – арабов и берберов, захвативших эти территории в ходе второй волны арабских завоеваний.

²¹ Монсеньор – от французского *mon seigneur*, означает «мой господин»; в средние века, наряду со значением вежливого обращения к вышестоящему лицу, применялось и как почетный титул для высших иерархов церковной и светской

– Я могу передать де Бресси ваше письмо, – сказал с высоты башни Эдгар де Клерер.
– Нет. Я уполномочен передать послание кастеляну лично, – возразил Гуго.
– Хорошо. Мы откроем ворота, но только двое из вас смогут въехать в город, – наконец согласился капитан.

– Я сам въеду в город, – крикнул снизу де Пейн.
– Въезжайте, – согласился капитан, затем отдал команду своим людям, и через пару мгновений ворота начали открываться.

– Эй, так не пойдет! – подал голос Эндрю де Бов.
– Мы тоже должны въехать в город, чтобы похоронить двух своих товарищей по-христиански, – поддержали де Бова другие шампанские рыцари.

– Ждите здесь. Надеюсь, я обо всем договорюсь с кастеляном, – сказал Гуго де Пейн, обернувшись к своим рыцарям, и въехал в ворота барбакана, которые сразу же закрылись за ним.

Въехав за ограду, Гуго спешил. Вокруг него собралось несколько солдат с пиками и сержантов с алебардами. Лица их не были враждебными. Обычные лица обычных военных людей. Смотрели они на рыцаря из Шампани с любопытством, как бы сравнивая его со своими начальниками. Но солдаты быстро разошлись по своим местам, потому что капитан Эдгар де Клерер спустился с башни и, пожав руку де Пейну, повел его к кастеляну.

Они прошли по мосту через ров, через ворота в частокле и оказались на улице, ведущей мимо скромных, преимущественно одноэтажных городских построек прямоком к замку, стоящему над речным берегом и отгороженному еще одним рвом от самого города, так, что получалось, будто замок стоит на островке.

Кастелян Шалона, отпрыск весьма знатного рода и дальний родственник шампанского графа по материнской линии, монсеньор Артур де Бресси не так давно был назначен герцогом Бургундским управлять замком Шалон до тех пор, пока не решится спор о наследстве покойного графа Шалона, умершего бездетным.

Одетый в коричневый бархат монсеньор де Бресси, невзрачный на вид пожилой человек с большими седыми усами и ничего не выражающими, выцветшими голубыми глазами, принял Гуго де Пейна в небольшом зале на втором этаже донжона. Он сказал Гуго, что легкие кавалерийские разъезды, патрулирующие округ, уже заранее докладывали ему о приближении к городу отряда шампанцев, но он понятия не имел ни о цели их появления, ни о трагическом происшествии на дороге с Амбруазом де Руже и его оруженосцем. На вопрос Гуго де Пейна, не проезжали ли недавно через Шалон семь подозрительных всадников, один из которых, возможно, был ранен, кастелян ответил отрицательно, но при этом опустил глаза, что показалось де Пейну подозрительным.

Прочитав письмо графа Шампанского, кастелян Шалона обещал помочь с продвижением шампанцев на юг, но выяснилось, что ни у одного местного купца нет ни достаточного количества провизии, ни лошадей. И с этим предстояло что-то решать. Времена отнюдь не благоприятствовали торговле.

Для начала де Пейн потребовал, чтобы его людей впустили в город хотя бы для похорон их товарищей. Кастелян дал согласие на въезд рыцарей и даже на размещение их в городе на постой, но все оруженосцы должны были остаться за городскими стенами, дабы не тревожить горожан. Гуго нехотя это условие принял.

Первым делом по прибытии в Шалон шампанские рыцари занялись похоронами де Руже и Бертольда. Жители маленького городка шарахались в стороны, едва заведя на

власти. Как правило, титул «монсеньор» официально давался титулярным (номинальным) епископам и архиепископам. В разговорном языке этот титул использовался как обращение к весьма заслуженным людям, занимающим высокое социальное положение.

улице угрюмых хорошо вооруженных незнакомых всадников, между связанными вместе лошадьми везущих два мертвых тела.

Амбруаза де Руже, завернутого в рыцарский плащ, и его оруженосца положили рядом в местной маленькой деревянной церкви. Эндрю де Бов взял свой шлем, перевернул его и поставил в головах у убитых. Каждый из рыцарей, отдавая последний долг погибшим, поочередно клал в шлем что-нибудь ценное. Кто-то золотую монету, кто-то серебряную, кто-то кусочек золотой цепи или кольцо. Таков был обычай в дружине графа Шампанского. Все собранное сразу же передали старому приору церкви, чтобы оплатить похороны, гробы и мессу за упокой души каждого убиенного.

То ли оттого, что собранная сумма получилась довольно приличная, то ли от страха перед гневом гостей все было сделано хорошо и быстро, и тела предали земле на закате тем же вечером. Капеллан отряда впервые исполнил свои прямые обязанности, прочитав молитвы над убитыми Амбруазом де Руже и его оруженосцем.

До глубокой ночи шампанские рыцари сидели в харчевне при местной маленькой гостинице и пили вино, поминая погибших. И никто из местных жителей, кроме хозяина заведения, который прислуживал за столом сам, не рискнул приблизиться к ним.

После поминальной попойки наутро настроение у шампанцев было ху же некуда. Чтобы не терять времени, Гуго хотел немедленно купить все имеющееся на складах продовольствие, но оказалось, что накануне появления шампанских рыцарей в Шалоне кто-то опустошил и предал огню городские склады и увел из города всех запасных лошадей.

Гуго де Пейну снова пришлось идти к кастеляну и требовать объяснений. Монсеньор де Бресси был удручен и подавлен.

– Возможно, это сделали люди короля, – после долгих колебаний проговорил он, опустив глаза, – но зачем они сделали это, я не могу знать.

– Что еще за люди короля? – спросил Гуго.

– Королевский отряд. Они два дня назад останавливались здесь, – сказал кастелян.

– Но вы же сказали, что никакие всадники не проезжали через Шалон. А между тем на дороге убили нашего товарища, и мы ищем его убийц. Вы солгали, монсеньор, – произнес обвинение де Пейн. Де Бресси не стал возражать. Глядя в пол, он произнес:

– Вы, сударь, спрашивали о семи подозрительных всадниках, а людей короля было восемь, и они вовсе не выглядели подозрительно. Их вел благородный барон Александр де Ретель, и он показал мне подорожную с особыми полномочиями, подписанную самим королем и скрепленную большой королевской печатью.

– И что же эти люди хотели в Шалоне? – спросил де Пейн.

– Они искали вас, шампанцев. Поэтому я и не хотел говорить вам о них. Они просили меня задержать шампанский отряд из трех десятков всадников, которые в ближайшие дни, возможно, проедут через Шалон. Но я отказал им. Я сказал, что у меня маленький гарнизон, и поэтому я не располагаю достаточными силами, чтобы задержать такой большой отряд. А если бы даже и располагал, то все равно ничего не стал бы предпринимать до распоряжения своего сюзерена, герцога Бургундского, ведь нынешний граф Шампанский его добрый сосед.

– И по какой же причине люди короля хотели нас задержать? – спросил командир шампанского отряда.

– Барон Ретель сказал, что речь может идти о заговоре против французской короны, – промямлил де Бресси.

– Надеюсь, вы не поверили в этот бред? Мы направляемся на войну с маврами, и нам нет никакого дела до заговоров, – сказал Гуго.

– Вот и барон сказал, что вы якобы направляетесь в Арагон на войну с маврами, а на самом деле, весьма вероятно, являетесь тайным посольством для заключения военного

союза Шампани с Бургундией, Тулузой и Аквитанией против короля Филиппа, – произнес кастелян.

– Что за чушь! Откуда только они взяли такое предположение? – воскликнул де Пейн.

– Этого я не знаю, но, когда я отказался помочь им, барон впал в бешенство. Он перевернул обеденный стол и схватился за меч, но, увидев, что за моей спиной людей значительно больше, плюнул в мою сторону и в ярости ускакал, обещая вернуться и наказать нас. Наверное, тогда он и приказал ограбить и сжечь склады и увести лошадей из конюшен. По правде сказать, эта последняя выходка барона переполнила чашу моего терпения, и я решил сейчас все рассказать вам, ведь в конце концов граф Шампанский приходится мне троюродным братом по матери, – сказал де Бресси.

– Как бы там ни было, монсеньор, теперь мы не сможем вовремя выполнить поручение графа, потому что без свежих лошадей нам придется ехать гораздо дольше, да и припасы были бы весьма кстати, – пробормотал Гуго.

– Ага, вот вы и проговорились, шевалье. Так, значит, барон Ретель был не так уж не прав, и вы действительно выполняете какое-то поручение, а поход на войну для вас только повод? – произнес кастелян. Взгляд де Бресси сделался пристальным, и в глазах появился недобрый огонек. Он ждал объяснений, и Гуго решился немного приоткрыть тайну их путешествия. Другого выхода он сейчас не видел. Глядя прямо в выцветшие глаза усатого ветерана, молодой рыцарь поведал:

– Да, наш отряд выполняет особое поручение графа Шампанского, но это совсем не то, что вы думаете, монсеньор. Мы едем в Арагон, чтобы освободить из плена одного близкого графу Шампанскому человека. И время не терпит. Если мы не успеем до начала лета, то этого человека продадут в рабство, и граф навсегда потеряет его.

– И кто же этот человек? – спросил де Бресси.

– Простите, монсеньор, но этого я вам не могу сказать. Но я даю вам честное слово христианского рыцаря, что ни к каким заговорам против короля или кого бы то ни было другого наше задание отношения не имеет, – сказал Гуго.

– Почему я должен вам верить, мессир? Не лучше ли мне действительно арестовать вас? – произнес усатый кастелян, внимательно разглядывая шампанского рыцаря.

– Поступайте так, как велит вам сердце, но, предупреждая, рыцари графа Шампанского станут сопротивляться аресту, – проговорил де Пейн.

Повисла напряженная тишина. Кастелян Шалона некоторое время раздумывал. Трудный выбор стоял перед ним в эту минуту. Наконец, после долгой паузы де Бресси произнес:

– Что ж, я поверю вам и даже помогу. В замке есть еще пятнадцать запасных коней. Трех я оставляю себе, надо же и нам на чем-то ездить, а остальных двенадцать можете взять. Но не бесплатно, разумеется, иначе мне будет нечем заплатить плотникам за ремонт складов, попорченных людьми короля. Господь миловал нас, и склады удалось спасти. Начавшийся пожар потушили горожане. Поэтому, сударь, кое-какую провизию я смогу вам выделить.

Весь вечер и половину ночи рыцари, оставив в Шалоне самых усталых лошадей и взяв столько свежих, сколько смог предоставить кастелян, готовились к походу. Кони оказались норовистыми и не особенно желали слушаться новых хозяев. Наконец к ночи подготовку к следующей части похода закончили, поспали, и с рассветом всадники неспешной рысью поскакали по дороге вдоль реки Соны. Отряд Гуго де Пейна несколько уменьшился, но продолжил путь на юг почти без опоздания.

Шампанские рыцари отправились из Шалона вовремя. Они не знали, что после того как их кони скрылись за поворотом, в Шалон явился большой королевский отряд, снятый бароном Ретелем с одной из ближайших застав, и жестоко расправился с кастеляном за непослушание людям короля. Долго еще, на радость воронам, труп монсеньора де Бресси раскачивался под ветром, подвешенный к балке снаружи главной замковой башни.

Глава 3

Путь на юг

Несколько дней ехали шампанские рыцари на юг вдоль реки, останавливаясь на привал лишь на обед и ночлег. Рацион их почти полностью состоял из сушеного мяса, копченой рыбы, сухарей и прошлогоднего вина, взятых в Шалоне.

На рассвете третьего дня брат Адамус поднялся на вершину холма, у подножия которого шампанцы провели последнюю ночь. Прозрачный воздух весеннего утра, наполненный свежестью реки и запахом весенней земли, позволял охватить взглядом широкое пространство. На востоке из-за снежных вершин Альп вставало солнце, на западе проступали в легкой дымке очертания гор Центрального Массива, но монах смотрел на юг, туда, куда предстояло добираться отряду.

Впереди огромным зеленым ковром лежала долина Лионне, по которой несла свои воды широкая Рона. Замки на холмах Фурвиер и город Лион охраняли вход в этот край со стороны севера. Когда-то через эту долину Цезарь водил в Галлию свои грозные легионы. А сколько завоевателей проходило здесь после римлян! И вот теперь маленький отряд рыцарей из Шампани двигался этим путем к предназначенной им цели. И он, монах, по странному стечению обстоятельств шел с этим военным отрядом.

Но не любоваться окрестностями поднялся на холм брат Адамус. Здесь, на вершине холма, лежали пророческие камни древних друидов. Ибо не простым был тот холм, молчаливый свидетель ушедших эпох: древняя сила все еще питала его. Несколько грубо обтесанных глыб, казалось бы, в беспорядке положенных друг на друга, все еще несли на себе полустертые временем магические знаки.

Христианский монах Адамус положил ладони на главный камень, и его не пугало, что камень этот языческий. Ибо брат Адамус знал, что Господь был всегда, пусть даже ушедшие эпохи именуются ныне языческими, но и в них был Свет, а не только Тьма, как многие верующие считают ошибочно. Ведь если бы была только Тьма, то везде властвовала бы лишь смерть, следовательно, не было бы на всей земле ничего живого, и никто из людей не дожил бы до проповеди Христовой.

Камень почувствовал, что человек, подошедший к нему – один из немногих, кто не утратил еще умения слушать голос земли и разговаривать с волшебными камнями. И камень ответил монаху теплом. С помощью магического камня, с помощью этого древнейшего, но вместе с тем простого ментального инструмента брат Адамус пытался прочувствовать дальнейший путь отряда. Закрыв глаза, впитывая силу камня, монах видел своим внутренним зрением весь предстоящий отряду путь на всем его протяжении и пытался определить опасности явные и сокрытые. Но многое на этом пути выглядело неясным, многое таилось под серым туманом или преломлялось бесчисленными отражениями возможного развития событий. Брат Адамус задавал мысленные вопросы. И огромный камень отвечал монаху, делясь с ним неведомой никому, кроме магов, древней мудростью своих недр.

Так, стоящим с закрытыми глазами около странного камня на вершине холма и нашел монаха Гуго де Пейн, когда пришло время трогаться в путь: молодой командир отряда решил, что монах просто молится, опираясь о камень.

Отряд шампанских рыцарей продолжал путь на юг по долине Лионе. Молчаливые стражи долины – холмы Фурвиер – взирали на едущих недобрыми зрачками бойниц своих старинных сторожевых башен. Несколько раз им преграждали дорогу конные разъезды местных баронов, два раза пришлось платить за проезд золотом, но, несмотря на все это, до Лиона они добрались относительно спокойно.

В самом Лионе их караван еще издали заметили с городских башен, выслали навстречу несколько десятков конных стрелков и приказали едущим остановиться. Под прицелом многочисленных луков шампанским рыцарям пришлось подчиняться. Их заставили спешиться перед городскими стенами и ожидать своей участи. Граф Лиона не пожелал разговаривать с Гуго де Пейном лично, но все же прочитал письмо графа Шампанского, которое было передано правителю через пажа. Но и это письмо помогло мало. Бургундское королевство давно враждовало с Францией, а нынешний Лионский граф, как говорили, отличался вздорным нравом. Сейчас между сторонами был мир, и потому граф Лиона все же разрешил шампанцам передвигаться по его территории, но он же приказал взыскать с них такую огромную пошлину за проезд, что де Пейну пришлось отдать в казну этого графа добрую половину всего золота, выданного ему на дорогу Гуго Шампанским. В сам город их так и не пустили. Несмотря на все это, де Пейн был рад, что откупился, поскольку, приди в голову графу Лионскому что-нибудь другое, например, запретить продвижение шампанского отряда вовсе, что могли бы сделать они против многочисленного городского гарнизона?

Вьенн шампанские рыцари миновали без происшествий, а в Балансе в них со сторожевых башен выпустили несколько стрел, которые, к счастью, всего лишь безобидно пролетели мимо, упав в траву.

Следующий день оказался для отряда очень тяжелым. С самого утра погода начала портиться, небо затянули тучи, и после обеда разразилась весенняя гроза. Загремел гром, засверкали молнии, и хлынул ливень, внезапно налетел мощный шквал. Под проливным дождем со шквальным ветром вымокшие до последней нитки рыцари с трудом спасали своих лошадей и припасы от разбушевавшейся стихии. Только глубокой ночью им удалось разбить лагерь и заночевать на более или менее сухом месте на невысоком холмике под деревьями. Сильно похолодало. С трудом они развели огонь, но ветер с дождем не давали костру разгореться как следует.

Промокшие, усталые и злые рыцари кутались в свои мокрые плащи, а продрогшие оруженосцы все никак не могли согреться. Кто-то из них даже надел на себя запасную лошадиную попону. Наконец ужин был приготовлен и палатки общими усилиями расставлены, иначе от ветра укрыться не было бы никакой возможности.

Гуго де Пейн, его оруженосец Джеральд, проводник Яков и монах Адамус делили на четверых самую маленькую из всех палаток. Эндрю де Бов, Фридерик де Бриен, Эврар де Керк и их оруженосцы спали в другой палатке, побольше. Третья палатка досталась Хельге Гундесвану и двум рыцарям из окрестностей Труа, Жюслену де Юве и Гильому де Мондидье, при которых тоже имелись оруженосцы. В следующей палатке спали Франсуа де Шонэ, Анри де Ланер, Озерик де Трифе вместе с оруженосцами, а последняя, пятая, палатка была самой большой, и спали в ней сразу восемь человек: рыцари Жильбер де Эбре, Атольд де Сюр-Об, Альберт де Ньеж, Филипп де Труа и четыре их оруженосца.

Ночь прошла скверно: проводник Яков во время ливня провалился в грязь, потерял все свои вещи и почти до утра возмущался по этому поводу. Яков долго упрашивал командира сделать назавтра остановку для проведения тщательного поиска своей сумки с теплыми вещами, целебными травами и картами местности. Но когда капеллан сказал, что у него с собой есть и травы, и карты, и теплое белье в необходимом количестве и что он согласен всем этим добром поделиться с Яковом, было принято решение не останавливаться из-за такого пустяка.

На другой день, двигаясь вдоль реки по ужасной, размокшей от дождя дороге, грязные и усталые шампанцы добрались, наконец, до Вивье. Епископ Вивьенский, к которому было адресовано еще одно письмо графа Шампанского, оказался весьма угрюмым толстым стариком с отвислыми щеками и тройным подбородком. Лет тридцать назад этот человек, близкий родственник графа Прованса по матери и дальний родственник графов Блуа по отцу,

не гнушаясь грехом симонии, ку пил высокую церковную должность и с тех пор управлял епископством так, как того хотел. Этот человек, который к старости едва-едва был способен правильно прочитать «Отче наш» на латыни, в былые времена держал в епископской резиденции целый гарем наложниц, любил хороших лошадей и охоту, воевал с соседями и устраивал кровавые казни недовольных. Теперь же он был стар и болен. Его отекавшие ноги с огромным трудом перемещали массивное, безобразно ожиревшее тело. Поэтому большую часть времени он проводил, сидя на своем епископском троне и, по безразличному выражению выцветших серых глаз было видно, что ничто уже не интересует этого человека.

Вивьенский правитель довольно хмуро поприветствовал шампанских рыцарей, и, прочитав письмо графа Шампанского, весьма вяло благословил их на войну с маврами, но все же распорядился накормить их, предоставить кров и выдать из своих запасов сухую одежду и припасы. Остановка в Вивье заняла два дня. У отряда не осталось свежих лошадей, и необходимо было срочно достать их. Гуго де Пейн на оставшиеся у него деньги графа Шампанского ку пил у епископа нескольких хороших коней, еще полтора десятка коней похуже удалось скупить у разных окрестных хозяев. И только когда лошадей набралось достаточно, отряд смог продолжить поход.

Задержка в Вивье имела плохие последствия для отряда под командованием де Пейна: их снова догнали люди короля, хотя никто из шампанских рыцарей даже не догадывался об этом. Барон Ретель со своими всадниками прибыл в Вивье всего на день позже шампанцев. В этих бургундских землях никто не стал бы подчиняться людям короля Франции, и барон вынужден был таиться, выдавая себя за проезжего купца с наемной охраной, но его подчиненные не переставали внимательно наблюдать за передвижениями преследуемых.

– Ничего-ничего, – говорил дьякону Эдуарду Пиоре барон де Ретель, сидя за грязным столом местной гостиницы, – все равно мы их перехватим. Лишь бы они не пошли к морю. А вот если они двинутся по дороге вдоль гор, тогда они точно наши.

– Почему вы так думаете, барон? Мы что, станем кидать в них с гор камни? – поинтересовался дьякон.

– Нет, Эд, совсем не то, – произнес барон, – просто этими горами владеет могущественный вассал короля Филиппа, который, смею надеяться, с радостью выполнит королевский приказ.

– Я, кажется, догадываюсь, о ком вы говорите, но как предупредить его? – озабоченно спросил дьякон. Барон успокоил священника:

– Не волнуйтесь, Эд, гонец уже послан. Сегодня утром я отправил Сержа.

В Вивье путешествие на юг вдоль реки закончилось, и дальше маршрут шампанского отряда сворачивал на запад. Они потеряли время, и теперь отряду предстояло срезать путь, пройдя через опасный участок. От Вивье отряд двинулся по самой короткой дороге и вскоре вступил на опустошенные земли маркизата Готии – обширного пространства, лежащего между Провансом на востоке и Лангедоком на западе, которое с севера отгораживали горы Центрального Массива, а с юга ограничивало море.

Отряд шампанских рыцарей проезжал по землям, принадлежавшим когда-то римской Южной Галии. Но все плоды римского просвещения давно уже были уничтожены варварами и стерты временем. Только остатки дорог да некоторые не разобранные за века на камни для строительства руины сохранились с той глубокой древности. Все остальное давно уже кануло в пучину вечности. Хотя гораздо южнее, за лесами, еще процветали древние города Ним и Монпелье, здесь, около гор, местность выглядела заброшенной и дикой.

Шел второй день после того, как отряд графа Шампанского покинул епископство Вивье, миновав последнюю заставу. Старинная, проложенная еще римлянами дорога с каждой пройденной милей становилась все хуже, все реже попадались признаки человеческого жилья. И чем дальше они продвигались, тем сильнее нарастало беспокойство в душе де Пейна. Вернулись мрачные предчувствия, которые владели им в начале пути. Гуго не понимал как, но он точно знал, он чувствовал, что впереди, и уже совсем близко, их поджидает опасность, и им не миновать встречи с ней. Да и брат Адамус почему-то все чаще молча молился, по своему обыкновению закатывая глаза.

До вступления в Готию везде, где проезжал отряд шампанских рыцарей, картина была схожей. Редкие деревеньки, состоящие из ветхих хижин, казались необитаемыми, поля выглядели заброшенными, заболоченные долины тянулись на многие лиги, а среди густых лесов, скрывающих склоны холмов и гор, торчали угрюмые замки местных сеньоров. Не менее угрюмо выглядели и монастыри, где за высокими стенами монахи скрывали жалкие остатки искусств и знаний.

От просвещенной античности не сохранилось почти ничего. Но мало что сохранилось и от былого величия империи Карла Великого, гениального создателя, сумевшего остановить разрушение и кровопролитие, не прекращавшиеся до этого в Европе много веков. Но наследие великого императора разгромили распри его же потомков и приплывшие с севера викинги.

Попытка императора Оттона возродить былое величие повлекла за собой только новый расцвет вандализма. Разрушение опять восторжествовало. Династия Каролингов угасла, и осталась от нее лишь вечная память. Но и это был уже великий знак, ибо в ту эпоху, когда книг почти не писали, и опыт предыдущих поколений передавался простыми людьми лишь устно от отца к сыну, на века запоминали только действительно самое выдающееся.

За последние столетия королевская власть повсюду в Европе ослабла весьма значительно. Местные деспоты разного рода и разной силы вновь, в который уже раз, поделили между собой пространства, когда-то принадлежавшие Великому Риму, безнаказанно чиня произвол в своих владениях и устраивая набеги на соседей. И повседневное насилие отражалось на жизни всех.

Люди боялись друг друга почти так же, как боялись они диких хищников. Никто не чувствовал себя в безопасности. Движение жизни ощущалось лишь в городах, защищенных от разграбления высокими, хорошо охраняемыми, стенами, хотя стены спасали их обитателей далеко не всегда.

Но и города переживали упадок. Торговля между различными территориями из-за постоянных опасностей на дорогах сделалась весьма затруднительной, ремесла не были востребованы в должной мере, и развития городов не происходило. Обычные горожане едва-едва поддерживали свое существование, выменивая за ремесленные изделия продовольствие в ближайших деревнях, а городская знать несла тяжелое бремя затрат на строительство укреплений и содержание войск. Наверное, потому в городах улицы оставались грязными, мрачными и узкими, а зловонные сточные каналы, прорытые вдоль улиц, постоянно грозили горожанам эпидемиями. Только одна-единственная главная улица или главная площадь иногда была вымощена булыжником или застелена дощатым настилом, остальные же в дождь превращались в сплошное месиво из грязи, а в сухую погоду – в постоянный источник пыли.

Сельская местность тоже выглядела весьма уныло. Новых дорог и мостов почти не строили, пользуясь сохранившимися со времен Великого Рима и эпохи правления Каролингов. В деревнях люди жили вместе со скотом в жалких лачугах с земляным полом и соломенной крышей. При приближении любых вооруженных всадников крестьяне обычно разбегались и прятались. Запуганные до крайности, они плохо обрабатывали землю, а их грозные хозяева тоже прятались от себе подобных за толстыми стенами своих мрачных замков.

Но маркизат Готия выглядел еще хуже. Все здесь казалось не просто неудобным и неухоженным, а зловещим. Грозные руины древних римских постов и небольших крепостей торчали справа от дороги на отрогах Севенских гор²², а слева, до самого леса, черной полосой протянувшегося вдоль горизонта, распластались зловонные болота, поросшие кустарником и тощими деревьями.

Отряд уже углубился в земли Готии на десяток миль, но никаких пограничных застав после границ епископства Вивье рыцарям до сих пор не встречалось, а все попадающиеся на пути деревни были выжжены. Зола и кости обозначали те места, где раньше жили люди. Причиной тому, помимо обычных несчастий конца одиннадцатого столетия – чумы и неурожаев – служила постоянная, уже лет двадцать не прекращающаяся вражда между двумя графами Севенских горцев – Жеводаном и Руэргом. Никто из них до сих пор не добился полного контроля над прилегающими к горам землями, и результатом этой затянувшейся вражды стало лишь окончательное разорение предгорьев и уход жителей из этих мест.

Плохое предчувствие Гуго де Пейна объяснялось еще и тем, что если до этого он, как командир отряда, чтобы избежать лишних неприятностей, с помощью двух своих проводников и неизменного советника брата Адамуса мог выбирать пути, удаленные от замков, застав и опорных пунктов местных властителей, настроение которых по отношению к Шампани было неизвестно или враждебно, то теперь такой возможности больше не было.

²² Севенские горы (или Севенны) – горная гряда, пролегающая с севера на юг и юго-запад по восточному краю Центрального горного массива Франции.

Глава 4

Пожиратели мертвецов

Из Прованса в Лангедок через Готию вели три дороги. Первая, самая обустроенная и безопасная, связывала Авиньон и Арль с Нарбонной, проходя через Ним и Монпелье. Вторая, разбитая, более длинная и гораздо менее безопасная, тянулась по населенному морскими и сухопутными пиратами побережью. А по третьей, самой короткой, но отнюдь не самой безопасной, ведущей вдоль предгорий Севенских гор в Каркассон, они сейчас ехали. Труднопроходимые, заболоченные леса лежали между этой дорогой и двумя другими путями. А саму ту древнюю дорогу, по которой они проезжали, жители окрестных земель последние несколько лет называли «тропой висельников», и мало кто рисковал ездить по ней.

И действительно, чем дальше продвигался отряд, тем больше попадалось виселиц вдоль этой дороги. Некоторые из них были такими старыми, что основания их покосились и поросли мхом, веревки давно истлели, и только человеческие кости в траве под столбами напоминали об их назначении. Но попадались виселицы и совсем свежие, недавно сработанные. Тучи воронья кружили над ними, доедая страшные останки повешенных. И такое зрелище, разумеется, никому не прибавляло хорошего настроения.

Рыцари ехали молча, на всякий случай полностью облачившись в доспехи. Ехавшие чуть впереди проводники Джеральд и Яков внимательно вглядывались в любой придорожный ку ст, способный скрывать опасность, а капеллан отряда, брат Адамус, всецело сосредоточился на своем внутреннем зрении.

Через какое-то время Гуго обратил внимание, что Джеральд, Яков и брат Адамус вглядываются куда-то влево от дороги, туда, где нагромождение камней возвышалось над пепелищем еще одной разгромленной войной деревни. Какое-то едва заметное движение воздуха наблюдалось над тем местом.

– Похоже на дымок от маленького костра, – сказал Джеральд.

– Вокруг огня сидят пять человек, и тьма повисла над ними, – добавил брат Адамус. Хотя де Пейн никак не мог понять, как монах может разглядеть людей за столь большой грудой камней, верил он старику безоговорочно.

– Поскачем туда и посмотрим, кто это такие, – предложил ехавший рядом с Гуго Фридерик де Бриен.

– Отряду остановиться! Де Бриен и Джеральд, за мной! – скомандовал Гуго, и они поскакали.

Нагромождение камней оказалось руинами деревенской церкви: на остатках стен кое-где еще можно было разглядеть грубо нарисованные лики святых. А за руинами, укрывшись за уцелевшим куском стены, собралась компания странного вида. Пятеро тощих существ, едва прикрытых лохмотьями неопределенного цвета, что-то поджаривали на небольшом костерке. При приближении всадников они вскочили и с невероятной прытью кинулись врассыпную, унося с собой куски недоеденной пищи.

– Догнать их! – закричал де Пейн, но де Бриен с Джеральдом и без того уже преследовали убежавших.

Фридерик де Бриен настиг одного из них, и, не останавливая коня, на скаку схватил беглеца могучей правой рукой за воротник и оторвал бегущего человека от земли.

– Один попался! – крикнул де Бриен командиру, перекидывая через седло пойманное им существо. Существо это дико визжало и неистово брыкалось, но хватка рыцаря была железной.

Джеральд продолжал преследовать остальных. Гуго приказал де Бриену остановиться, и они вместе вернулись к костру. Неожданное по своей мерзости зрелище открылось им. Над костерком, подвешенная на длинной палке, жарилась человеческая нога, а вокруг повсюду валялись обглоданные кости людей.

– Людоеды, – произнес де Бриен страшное слово и, схватив в охапку своего пленника, швырнул его на землю брезгливым жестом. Лохмотья, покрывающие длинноволосое существо, при падении задрались, обнажив его снизу до самого живота, и де Бриен увидел, что поймал женщину с длинными стройными ногами.

– Ведьма, это же ведьма! – заорал он, выхватывая меч и замахиваясь.

– Остановитесь, мессир Фридерик! Что вы делаете? Христианские рыцари не бьют лежащего, тем более женщину! – воскликнул Гуго, прыгнув с лошади, и встав между распростертой на земле женщиной и разгневанным рыцарем.

– Что, командир, понравилось то, что у нее между ног? Тем более ее надо убить, а иначе, глядишь, соблазнит и заколдует половину отряда! – кричал бургундец.

– Мы допросим ее. А уж потом решим, что с ней делать. Думаю, брат Адамус сможет справиться с ее колдовством, – сказал Гуго де Пейн.

– Я не стану сейчас спорить с тобой, командир, но мое мнение ты уже слышал: ведьмы должны уничтожаться раньше, чем начнется их ворожба, иначе быть беде, – проговорил де Бриен, но все же убрал меч в ножны.

– Я не ведьма, пощадите меня, добрые люди, – неожиданно подала голос пленная. Она прикрыла наготу лохмотьями, отбросила на спину длинные черные волосы и умоляюще смотрела на рыцарей. Это была молодая девица. Грязная и оборванная, с перепачканным лицом, но, если ее привести в порядок, помыть и одеть, можно было бы сказать, что она довольно хороша собой.

– А кто же ты? – спросил де Пейн пойманную.

– Я Амелия, дочь старосты Дронга, – назвалась девушка.

– Откуда ты родом? – спросил рыцарь.

– Я родилась здесь. До войны тут было большое село, – сказала молодая селянка.

– А кто те люди, что сидели вместе с тобой у костра? – спросил Гуго.

– Они деревенские жители, – ответила девушка.

– В вашей деревне принято совершать убийства и есть подобных себе? Вы язычники? – продолжал допрос Гуго.

– Мы не совершали убийств. Мы не язычники. Мы христиане. Мы добрые католики, – произнесла несчастная.

– Что? Что она такое говорит? Как могут добрые христиане есть людей? – вскричал де Бриен.

– Когда нашу деревню и все другие деревни в округе сожгли, и стало нечего есть, отец Вилентий разрешил нам есть мертвых, чтобы самим не умереть с голоду, – поведала оборвашка.

– Кто такой этот отец Вилентий? Где он сейчас? – спросил Гуго.

– Он священник, – ответила Амелия и пояснила: – Когда эта церковь была цела, он вел в ней службы. Но он позавчера умер, и мы его тоже начали есть. Он так и завещал нам перед смертью: как умрет, так сразу его и съесть, чтобы не испортился. Вот на этом вертеле его нога, мы коптели ее впрок. Кажется, это все, что от него осталось. Мы были очень голодными: почти месяц питались только отваром из коры да двух ворон поймали. Поверьте, мы ели только мертвых и не причиняли никакого вреда живым.

– Что за вздор она несет, командир? Разве может священник разрешить подобное? – вмешался де Бриен.

– Не знаю, Фридерик, но мне почему-то не кажется, что она врет, – проговорил де Пейн.

– Ну вот, командир. Ведьма уже заколдовала тебя, – пробормотал бургундец.

– Она не ведьма и говорит правду, эти пожиратели мертвых – просто несчастные люди, – сказал неожиданно выехавший из-за развалин церкви брат Адамус.

– Вот. И монаха тоже заколдовали. Но ничего, отродье дьявола! Я, видно, не поддаюсь твоим чарам, и сейчас ты ответишь за все! – с этими словами бургундец снова выхватил меч, и глаза его от ярости налились кровью.

– Помогите! Режут! – завизжала девица, увидев занесенный над собой меч, и бросилась в ноги де Пейну. И тому ничего не оставалось делать, как только подставить под летящий уже вниз клинок бургундца свой меч. Сталь громко звякнула, и меч де Бриена, отклонившись, прошел мимо, никого не задев.

– Именем Господа, немедленно прекратите, мессир Фридерик! – прикрикнул на рыцаря брат Адамус. Но, разошедшегося бургундца уже было трудно остановить. Он снова начал замахиваться мечом, приговаривая:

– Сейчас, сейчас, вы все получите у меня!

– Что это с ним? – спросил де Пейн брата Адамуса, с трудом отбивая мощный удар.

– Я остановлю его. Не хотелось бы нарушать равновесие и колыхать тончайшее пламя, но, боюсь, другого выхода нет, – сказал монах. И третьего удара Бургундца не последовало. Адамус поднял правую руку с пастушеским посохом и тихо произнес нечто, напоминающее тарабарщину.

Фридерик де Бриен покачнулся и, все еще сжимая меч, неожиданно начал валиться с седла. Если бы де Пейн вовремя не подставил плечо и не поддержал рыцаря, могучее тело бургундца могло пострадать от падения с лошади. Но все обошлось, если не считать того, что, пытаясь поймать падающий меч де Бриена, Гуго случайно порезал себе ладонь левой руки.

– Что вы сделали с ним? – спросил Гуго, наклонившись купавшему. К счастью, де Бриен был жив и, по-видимому, цел. Впечатление было такое, что после заклинания брата Адамуса рыцарь мгновенно заснул. Фридерик дышал ровно, он действительно спал, и ничто не говорило, что какая-либо опасность угрожает ему.

– Что вы сделали с ним, брат Адамус? – повторил свой вопрос де Пейн.

– Пришлось изгнать из него беса. Другого выхода не было. Еще немного, и этот рыцарь убил бы вас, меня и эту девушку, – сказал капеллан.

– Не может быть! Фридерик де Бриен – один из преданнейших рыцарей графа Шампанского, – сказал Гуго.

– Это не важно, ибо бес сейчас владел его разумом и направлял его руку, – произнес монах.

– Неужели, бесы действительно столь опасны? – недоверчиво спросил командир отряда.

– Конечно. Среди них встречаются весьма сильные сущности, способные подчинять людей своей черной воле там, где есть для этого почва, – ответил брат Адамус.

– Вы хотите сказать, что душа де Бриена не чиста? – спросил Гуго.

– Он сильный человек с хорошей душевной броней, как и большинство рыцарей в этом отряде, но он дал волю гневу и через врата гнева впустил беса внутрь себя. Ибо гнев открывает ворота для тьмы. Я же изгнал беса древним заклинанием, – сказал монах.

– Языческим заклинанием? – спросил рыцарь.

– Скажем так: дохристианским. Многие тайные знания ведомы братьям нашего ордена, – просто ответил капеллан.

– Но откуда здесь оказался бес? – задал новый вопрос де Пейн.

– Не может не наполниться тьмой то место, где едят человечину. Запах смерти, исходящий с этого места, привлек сюда темные сущности из нижних слоев тонкого мира. И это место, где мы стоим, теперь проклято, – произнес монах.

– Тогда скорее уходим отсюда, – сказал де Пейн.

– Я поймал их всех! – внезапно раздался чуть в отдалении звонкий голос Джеральда. Он медленно ехал, натянув свой лук, а на прицеле его стрелы, впереди всадника, понуро брели пожиратели мертвых.

– Я считаю, что их нужно простить. Лютый голод и крайнее отчаяние толкнули этих несчастных на преступление, – тихо сказал де Пейну брат Адамус.

– И что же, их так и оставить при столь ужасном занятии? – недоумевая, проговорил де Пейн.

– Накормите их нормальной пищей и отправьте в Вивье. Епископ о них позаботится, если вы напишете ему записку, – предложил монах.

– Вы полагаете, они не съедят епископа? – косясь на людоедов, произнес Гуго.

– Поверьте, тьма не полностью завладела ими, и сердца их еще могут оттаять. Они не врут. Они действительно никого не убили. Они ели уже мертвых, – сказал брат Адамус.

– Но это же так отвратительно! – воскликнул де Пейн.

– Отвратительно, разумеется, – согласился монах, даже кивнул, но добавил:

– Поймите, для них это действительно было единственным выходом, когда в этих краях стало нечего есть.

– Но почему же они не ушли отсюда? – недоумевал молодой рыцарь.

– Спросите лучше у них, – сказал монах.

Гуго подошел к задержанным и повторил свой вопрос.

– Мы боялись покинуть родное пепелище. Мы простые крестьяне, и мы боялись, что если нас заметят, то непременно зарежут или повесят. Мы боялись лесного народа и людей графа, – сбивчиво ответил тощий седой человек, назвавшийся вольным крестьянином Жильбером.

– А кого из них вы боялись больше? – спросил рыцарь.

– Они одинаково страшные и беспощадные, – сказали сразу несколько крестьян.

– А что это за лесной народ? – задал новый вопрос Гуго. Жильбер ответил:

– Это, монсеньор, страшные варвары, еретики, живущие в лесу за болотом. Они ведут войну с нашим графом. Зимой они сожгли семь деревень вдоль дороги. И нашу деревню тоже. Многих жителей они убили, многих забрали в рабство. Только нам удалось уцелеть.

– А что за граф у вас тут, и почему вы его боитесь? – продолжал допрашивать крестьян командир отряда шампанцев. Крестьянин Жильбер побледнел, но ответил сразу:

– Граф наш Жиром Жеводан. А боимся его потому, что он свиреп непомерно и вешает в этих краях всех, кто попадается ему на глаза. Вы, наверное, видели виселицы? Так вот, люди графа повесили всех моих сыновей, а их у меня было пятеро. Граф Жеводан считает, что жители деревень вдоль дороги предали его, сами сожгли свои деревни и добровольно ушли к лесным людям, чтобы воевать на их стороне против власти. И потому мы попали между молотом и наковальней и не можем уйти с этого места, нам некуда идти. Потому прячемся в этих развалинах и питаемся мертвечиной.

Гуго де Пейн внимательно выслушал старого крестьянина, затем спросил:

– Способны ли вы вернуться к нормальной жизни, если я позабочусь о вас?

– Конечно, монсеньор, с радостью! – одновременно подали голос все задержанные.

– Обращайтесь ко мне «мессир». Я ношу звание рыцаря, и мое имя Гуго де Пейн, – сказал рыцарь.

– Хорошо, добрый мессир де Пейн, как вам будет угодно, мессир де Пейн, – затараторили людоедствующие крестьяне на разные голоса.

– Итак, я выделю вам продовольствие, одежду, немного денег и дам письмо к епископу Вивье. Можете идти спокойно: мы только что проехали этой дорогой, и опасностей на ней нет. Думаю, через день пути пешком до Вивье вы доберетесь, – сказал Гуго.

– Огромное спасибо вам, мессир, да хранит вас Господь. За вашу доброту и мы отблагодарим вас. Не езжайте по этой дороге дальше. Впереди, за поворотом, устроена засада. Вчера мы собирали хворост для костра и видели, как там собрались солдаты графа Жеводана. Около сотни пеших и три десятка конных, – сказали селяне.

– И как же нам обойти эту засаду? – спросил де Пейн.

– Попробуйте проехать старой тропой по краю болот, мессир, – сказал крестьянин Жильбер.

– Что ж, и вам спасибо за совет, – произнес Гуго и распорядился:

– Джеральд, выдай этим людям одежду, еду на время похода и по одному серебряному су каждому.

Затем де Пейн обратился с просьбой к монаху:

– Любезный брат Адамус, не найдется ли у вас листочка пергамента, гусяного пера и чернил? Я хочу написать епископу Вивье насчет этих людей.

– Найдется, мессир Гуго, моя должность капеллана предполагает наличие сих принадлежностей, подождите одну минуту, я сейчас развяжу свой мешок, – ответил монах, улынувшись. Порывшись в притороченной к седлу дорожной суме, он достал все необходимое и протянул командиру отряда.

Придерживая на коленке пергамент левой, недавно порезанной об меч де Бриена рукой, Гуго быстро написал коротенькое послание и, вручив его крестьянину Жильберу, попрощался с погорельцами.

Когда с пожирателями мертвых все как будто бы было улажено, отряд рыцарей двинулся дальше. Все всадники спешили, взяли от дороги влево и теперь шли по самому краю зловонной топи, ведя своих лошадей в поводу и стараясь не шуметь. Людоедствующие жители сожженной деревни не соврали. Действительно, впереди на дороге стоял сильный кордон, но в сумерках с дороги их не заметили: едва приметную тропинку, протянувшуюся вдоль кромки болота, закрывала густая поросль кустов и молодых деревьев. Миновав засаду, рыцари сели на коней. Несколько часов они ехали спокойно. Заночевали шампанцы на поляне возле самого болота, на радость многочисленным комарам, а с рассветом двинулись дальше.

Долго еще обсуждали в отряде преступление людоедов из деревни. Кто-то из рыцарей был согласен с решением командира, другие досадовали, что преступники были прощены и отпущены, да еще и щедро вознаграждены. Де Бов и де Бриен смотрели теперь на молодого командира и вовсе недовольно и недоверчиво. Глядя на их угрюмые лица, Гуго понял, что авторитета у рыцарей его великодушие к людоедствующим погорельцам ему не прибавило.

Де Пейн не подозревал о том, что несчастных жителей разоренной деревни уже нет в живых, а все, что он распорядился выдать им на дорогу, в том числе послание к епископу и серебряные монеты, попало в руки барона де Ретеля, который вместе со своими людьми преследовал отряд шампанских рыцарей от самого Вивье, держась, впрочем, на безопасном расстоянии позади, не без основания опасаясь открытого столкновения с превосходящими силами преследуемых.

Тропинка на краю болота внезапно оборвалась, упершись в устье маленького ручейка, превратившееся в непроходимую топь, рыцарям пришлось снова вернуться на основной тракт, и они давно уже ехали по открытой всем ветрам местности. Видимо, раньше на месте этой пустоши были крестьянские поля. С одной стороны пустошь ограничивали отроги гор,

а с другой продолжалось все то же болото. Дорога шла как раз посередине. Ближе к горам кое-где по-прежнему виднелись столбы виселиц.

Внезапно где-то впереди зазвучали рога. Де Пейн приказал отряду остановиться, вооружиться, надеть шлемы и выжидать. Шампанские рыцари застыли в седлах. Лица их напряглись. Их лошади нервно переступали с ноги на ногу и настороженно дергали ушами. Ничего хорошего звуки рогов в этой мрачной местности означать не могли.

Вскоре звуки рогов повторились значительно ближе, и из-за ближайшего горного отрога вылетела охота. Стучали копытами кони. Трубили рога. Свистели в воздухе арканы и плети. Бешено лаяли огромные собаки. Но охотники гнались не за дичью. Сердце де Пейна похолодело, когда он увидел, что охотники гонятся за бегущими людьми.

Убегающих было трое, а гнались за ними не менее тридцати всадников. И беглецов как раз настигали. Вот один из них поскользнулся и упал, и псы тут же догнали свою жертву и накинулись на нее. Но человек сумел подняться и расшвырять нескольких остервенелых псов, отбиваясь от свирепых собак мечом. По точным движениям этого воина было видно, что он опытный мечник. Но передний охотник на крупном гнедом коне на всем скаку пронзил его в спину копьем. Человек бессильно всплеснул руками и, словно тряпичная кукла, рухнул лицом вниз, и яростные собаки тут же принялись терзать поверженного. Но двое других преследуемых все еще продолжали бежать.

Взгляды шампанских рыцарей устремились на Гуго. Всем стало ясно, что настал момент, когда командиру отряда надлежало действовать незамедлительно. И Гуго решился. Он произнес громко, так, чтобы слышали все:

– Кем бы ни были те бегущие и их преследователи, мы должны прекратить эту бесчестную травлю. Во имя Господа нашего и славы Шампани, остановим произвол! Поднимайте щиты, опускайте копья, трубите в рога! Вперед же, добрые рыцари! За Шампань!

– За Шампань! – ответил де Пейну хор голосов.

И через минуту бешеной скачки отряд рыцарей графа Шампанского перерезал дорогу неизвестным охотникам, железной изгородью из острых наконечников нацеленных копий отгородив их от такой уже близкой добычи. Охота расстроилась. Взмывшие кони на всем скаку остановились, взлетев на дыбы. Собаки завывали и зарывали, а преследуемые укрылись за спинами нежданных спасителей, сели на землю и, тяжело дыша, переводили дух.

– Кто посмел встать у меня на дороге? – спросил громкоподобным голосом широкоплечий человек, сидящий на великолепном высоком гнедом жеребце. Полумаска дорогого позолоченного шлема скрывала большую часть лица всадника. Был виден только массивный подбородок и кривящийся от гнева рот в обрамлении тонких губ. Развевался по ветру вышитый золотом плащ, сверкали самоцветы на сбруе коня. Именно этот знатный рыцарь только что заколол копьем в спину одного из бегущих. Но де Пейн не растерялся, он гордо выпрямился в седле и произнес:

– На вашем пути, кто бы вы ни были, встал отряд благородных рыцарей из Шампани. Потому что, устроив травлю этих людей собаками, вы поступили не по-христиански. Мы направляемся в Испанию на войну с неверными маврами и всех встречающих, кто поступает не по-христиански, призываем к ответу, как и подобает по правилам рыцарской чести.

Человек на высоком гнедом усмехнулся и сказал, обращаясь к де Пейну:

– Да знаешь ли ты, дерзкий, с кем разговариваешь? Перед тобой граф Жиром Жеводан. Я нахожусь на своих землях, и здесь только я один призываю к ответу. По твоемуговору я слышу, что ты такой же франк, как и я. Поэтому назови свое имя, и, если титул позволяет тебе, мы сразимся один на один. Кто первый из нас упадет с коня живым или мертвым, тот и проиграл. Мне дороги жизни моих людей, а силы наших отрядов, как я вижу, примерно равны. Обещаю, что если победишь ты, то сможешь проехать беспрепятственно через мои земли. А если проиграешь, то твой отряд разоружится и сдастся на милость победителя. Как

видишь, я предлагаю условия согласно кутюмам рыцарской чести, о которых ты изволил упомянуть. Так назови же себя.

– Меня зовут Гуго де Пейн, я опоясанный рыцарь, клятвенник графа Шампанского и шателен Пейна, и я командую этим отрядом. Других титулов у меня нет, – честно назвался Гуго.

– Никогда не слышал я ни о каком Пейне. Наверное, зловонная дыра, каких мало, – разочарованно протянул граф, и добавил:

– Жаль, судя по вооружению твоего отряда, я решил, что его командир должен быть, по меньшей мере, бароном. Но я ошибся. С простым рыцарем я драться не стану. Это не прибавит мне славы. Эй, дружина! Зададим-ка этим северянам жару! Копья к бою! Нацельте стрелы и спустите собак!

И тут же по команде псарей страшные собаки рванулись вперед с яростным лаем, но через пару мгновений с рычанием откатились, наткнувшись на встретившие их острия добротных шампанских копий. Де Пейн не стал мешкать, с криком «Господь за Шампань!» с места он пустил лошадь в галоп и, подставив свой большой желтый щит первым летящим стрелам, устремился вперед, нацелив копьё прямо в грудь графа Жеводана.

Граф тоже пришпорил своего скакуна. Но то ли рыцарский конь графа внезапно испугался, то ли граф, более привычный к медленной езде по горным тропам, на равнине не был умелым наездником и слишком сильно натянул уздечку, то ли просто какое-то злое насекомое внезапно укусило скакуна, но в самый решительный момент графский конь, вместо того чтобы ринуться навстречу противнику, встал на дыбы, взбивая воздух передними копытами. Никто и не заметил, как за мгновение перед этим остановивший своего коня позади рыцарей монах Адамус что-то прошептал про себя, направив свой пастушеский посох в сторону графа.

Разогнав свою лошадь, де Пейн не мог уже остановиться, и его длинное ясеневое копьё глубоко вошло в грудь красивого гнедого коня графа, прежде чем сломалось. С диким ржанием, смешанным с предсмертным хрипом, конь графа повалился на левый бок, подмяная под себя седока. Но в последний момент, Жиром Жеводан, проявив неожиданное проворство, все же сумел высвободить ноги из стремян и спрыгнуть с лошади, поэтому и остался цел.

В то же мгновение дружинники отгородили своего повелителя от удара шампанцев. А этот удар стал для многих смертельным: вслед за де Пейном в атаку ринулись лучшие рыцари графа Шампанского, и их копья безошибочно нашли свои цели. Семеро дружинников графа Жеводана слетели с коней мертвыми, еще четверо были ранены. Начался ближний бой. Копья отбросили, и в ход пошли мечи. Стальные клинки встретились в воздухе и зазвенели, застучали о дерево щитов.

Синие плащи шампанских рыцарей быстро смешались с бурыми кожаными камзолами дружинников графа Жеводана. Вскоре и те и другие окрасились кровью. Но на синих плащах кровь преимущественно была чужая.

Видя свои потери, граф Жеводан, уже сидя в седле запасного коня, затрубил в рог, приказывая дружинникам отходить. Но это было непросто. Шампанцы наседали крепко, и графу, чтобы задержать их, пришлось оставить для прикрытия добрую половину своих бойцов. Остальные поскакали вслед за графом Жеводаном обратно за тот же горный отрог, из-за которого совсем недавно и появилась вся эта злополучная графская «охота», закончившаяся бесславным бегством. Только теперь назад возвращалось меньше трети «охотников». Вторую треть добивали шампанские рыцари, а третья уже вся полегла.

Когда граф со своими людьми скрылся из виду, его дружинники, прикрывающие бегство сюзерена, попав в окружение и видя бессмысленность дальнейшего сопротивления, опустили оружие и сдались. Пленных оказалось всего двенадцать. Четверо из них были

ранены. Остальные люди графа, кроме тех, что спаслись бегством, были убиты. Девять человек в кожаных камзолах лежали на земле без движения.

Гуго де Пейн осмотрел свое воинство. Во всем его отряде раненых оказалось лишь двое, да и те получили легкие раны. Убитых не было. Теперь сомневаться не приходилось: граф Шампанский действительно послал в этот поход лучших своих бойцов.

Де Пейн приказал пленным разоружиться и оставить коней, затем взял с них слово не причинять вреда добрым христианам и пешими отпустил по домам. Но сначала он велел им похоронить своих убитых товарищей. Отряду не нужна была лишняя обуза, ведь пленным придется всю дорогу охранять и кормить, а вот лишние кони и запасное оружие в дороге еще пригодятся.

Сидя верхом на своей лошади, со смешанными чувствами де Пейн рассматривал место недавнего боя. Эндрю де Бов, Фридерик де Бриен, Озерик де Трифе и другие рыцари графа Шампанского и их оруженосцы, еще совсем недавно проявившие в стычке с дружинниками графа Жеводана настоящую доблесть, теперь, словно обычные грязные мародеры, под неодобрительными взглядами оставшихся в живых разоруженных дружинников, монаха Адамуса и проводника Якова собирали трофеи. Рыцари и оруженосцы срывали с убитых врагов кошельки, золотые цепи, браслеты и кольца, кое-кто не гнушался даже не попорченными в бою обувью и одеждой, кто-то снимал богатую сбрую с убитого жеребца графа Жеводана и с двух других павших коней графских вояк. Насколько же все-таки грубы эти люди...

Из всех кавалеристов де Пейна один только англичанин, Хромой Джек, Джеральд Уильям Ридженальд третий, молча стоял, скрестив на груди руки и вглядываясь в перистые облака на западе, да молодой Франсуа де Шонэ, присев в сторонке, выворачивал наружу свой желудок, не выдержав вида крови и смерти, ведь для юноши это был первый настоящий бой.

Глядя на Франсуа, де Пейн вспомнил себя самого, скользнув мыслью за пелену пережитого. В отличие от Франсуа, свой первый настоящий бой он проиграл бесславно. До сих пор Гуго отчетливо помнил, как трусливо спасался он бегством от многочисленных противников. Но что он мог сделать тогда один против пятидесяти, когда все его товарищи были уже мертвы? Было ли то бегство таким уж позором? И кому было бы лучше, погибни он тогда? К тому же он был ранен, истекал кровью...

Неприятное воспоминание юности промелькнуло перед мысленным взором Гуго, и он еще раз бросил взгляд на раздетые уже трупы дружинников, которых их товарищи оттаскивали с дороги, намереваясь приступить к нехитрым солдатским похоронам в открытом поле. Который это был бой в его жизни? Он давно потерял счет. Просто снова перед ним кровь и смерть.

Почему они все время вынуждены убивать? Неужели нельзя наладить отношения между людьми так, чтобы никто не пускал кровь друг другу? Неужели же люди подобны диким зверям? Волки. Нет, хуже, много хуже. Разве стая сытых волков будет гнаться за оленями лишь ради развлечения, чтобы с радостью растерзать их просто так, а вовсе не ради того, чтобы утолить голод? А что же граф Жеводан? Почему же он поступает хуже, чем волк? Где его доброта и христианское милосердие? Вот она, тьма, о которой говорят аббат Мори и монах Адамус. И неужели возможно смирение перед таким произволом? Неужели нужно подставить врагу другую щеку? Нет, он, Гуго де Пейн, гораздо охотнее подставит копьё или меч...

Несмотря на одержанную в стычке победу, настроение у де Пейна совсем ухудшилось. Не прибавило ему оптимизма даже то, что он услышал, как за его спиной набравший вдоволь трофеев Эндрю де Бов сказал Фридерiku де Бриену: «А хорошо, черт возьми, наш командир завалил графского жеребца! И, клянусь всеми святыми апостолами, если бы конь не встал на дыбы, на добром шампанском вертеле оказался бы сам граф! Молодец командир, хоть и молод, но опытен, сразу видно, что бывалый боец. Я, признаться, поначалу даже и не ожидал

от него такой прыти». Фридерик же съязвил: «Да уж, командир наш хорош. Вот и упряжь графского коня по праву принадлежит де Пейну, а не тебе, так что пойд и отдай ее ему». Де Бов не посмел возразить, как не посмел он подойти к самому командиру, слышавшему весь этот разговор. Он приблизился к Джеральду и вручил оруженосцу украшенные серебром, золотом и самоцветами седло и уздечку погибшего от руки Гуго де Пейна боевого коня графа Жеводана.

Граф Жеводан... Ох, не оставит теперь этот граф шампанцев в покое...

Не оставит... Хищники о двух ногах просто так не отступают...

Мысли Гуго прервал какой-то человек, подошедший к луке седла и сказавший, низко поклонившись.

– Огромное вам спасибо, монсеньор. Вы спасли нам жизнь. Уверен, что наш господин щедро вознаградит вас.

Перед де Пейном стоял один из тех двоих, которые еще так недавно служили «дичью» на графской «охоте». Человек был в кольчужных доспехах, но не носил каких-либо рыцарских знаков. Он был немолод, седоват, худ и высок, а длинный зазубренный меч, висящий без ножен в петле на поясе, и старые шрамы на вытянутом лице говорили о том, что переделок он повидал за свою жизнь немало.

– Как вас зовут, кто ваш господин и почему они гнались за вами, называя преступниками? – спросил Гуго.

– Меня зовут Роже Вен, а моего товарища – Анри Люш. Ему ваш монах сейчас перевязывает рану, и поэтому Анри не может пока подойти, чтобы поблагодарить вас. Мы разведчики Раймонда де Сен-Жиль, графа Тулузского, граф Жиром Жеводан его лютей враг. И наше преступление состоит в тайном проникновении в эти земли, которые граф Жеводан незаконно присвоил. Поэтому этот Жиром так рассвирепел, когда обнаружилось, что мы подобралась к самому его логову. Вот он и решил поразвлечься: самолично устроить за нами охоту. Нас было пятеро, но троих они убили. Сначала из луков они расстреляли наших коней... Советую вам, милостивейший монсеньор, скорее уходить отсюда. Ведь теперь граф Жиром Жеводан станет охотиться за вами, а войско у него большое. Жаль, что вы не убили этого Жирома.

– На все воля Божия, друг мой. Но вправе ли мы убивать подобных себе по своей прихоти? Ведь все люди – дети Господни, и в каждом человеке есть крупица добра и света Божественного, – сказал де Пейн. Седой разведчик графа Тулузского возразил молодому рыцарю:

– Милостивый монсеньор, но граф Жеводан скорее исчадие ада, чем человек. Много лет назад он заманил к себе в гости и вырезал всю семью своего родственника, маркиза Готии, и с тех пор пытается захватить власть во всем маркизате. Граф Руэрг из последних сил противостоит ему, но у Руэрга почти не осталось войск, и он просит помощи у нашего господина, графа Тулузского. Потому мы и были посланы в эту разведку. Наш господин хорошо понимает, что, если не остановить этого Жеводана, многие христиане пострадают. Вы видели виселицы вдоль дороги? Так вот, чтобы нагнать на соседей побольше страха, граф Жеводан вешает всех, кто осмеливается без его разрешения входить в эти земли. Просто входить. И нет ничего доброго в этом человеке.

Глава 5

Враги

Солнце неумолимо клонилось к закату. Приближался вечер. Отпущенные на свободу де Пейном пленные дружинники свирепого графа Жеводана около дороги хоронили своих собратьев, павших в недавней стычке. Монах Адамус снова исполнял свои обязанности капеллана, читая молитвы над погибшими: хоть и враги, но они тоже были христианами.

Нужно было спешить. Проводник Яков подъехал к де Пейну и предложил:

– Мессир, может, повернем назад и поедem по безопасной дороге?

– А как вы считаете? – обратился командир отряда к рыцарям. Многие из них были опытными в подобных делах и понимали, что теперь, после стычки с властителем этих мест, за любым поворотом их могут подстергать смерть или позорный плен. В любом случае, до темноты необходимо уйти как можно дальше отсюда и к тому же найти подходящее место для ночлега.

– Если повернем назад, а затем двинемся по торговой дороге через Ним и Монпелье, то потеряем не меньше недели. На каждом посту нас будут задерживать и заставлять платить за проезд, – сказал толстый де Бов.

– А как насчет пути вдоль моря? – спросил де Пейн.

– На побережье полно пиратов. Однажды я побывал там и больше не сунусь. Я тогда сопровождал одного купца, и пираты так навалились на нас, что мы едва смогли пробиться обратно и еле унесли ноги, оставив половину своего отряда лежать на песке, – сказал Фридерик де Бриен.

– Не надо нам пиратов, – поддержал товарищей мессир Гильом де Мондидье.

– Среди пиратов очень много таких же норманнов, как и я. И, поверьте, они в бою очень свирепы, а у меня нет желания драться с сородичами. Лучше уж будем прорываться здесь, – сказал Хельге Гундесван.

Никто из рыцарей не желал связываться с потомками грозных викингов, прибравших к рукам морской берег, но и относительно безопасная торговая дорога через богатые южные города не привлекала воинов, поскольку каждому из них пришлось бы платить высокие пошлины за проезд через эти города с оружием, а за постой там брали с проезжих просто разорительную плату. Объехать же города не представлялось возможным: многочисленные заставы и хорошо вооруженные разъезды были выставлены в тех краях почти на каждом шагу.

Здесь же, на этой дороге, по которой они сейчас двигались, несмотря на всю грозящую со стороны графа Жеводана опасность и дикость окружающей местности, воины чувствовали себя наиболее вольно: противник был им понятен и даже уже опробован в недавней стычке копьем и мечом. К тому же, были взяты и кое-какие трофеи, снятые с дружинников местного графа: де Бов примерил толстую золотую цепь, а де Бриен – массивный золотой браслет, да и остальным тоже кое-что досталось. А главное, была надежда попутно заполучить и что-нибудь еще. Это и решило дело: большая часть рыцарей высказалась за продвижение вперед. Джеральд молча кивнул, его не пугали трудности. Яков, напротив, трусил, но соглашался со всеми, боясь выказать малодушие перед грозными рыцарями. Один только брат Адамус, подъехавший к ним последним, открыто не одобрил общее решение, но, подчиняясь мнению большинства, Гуго де Пейну пришлось дать команду, и отряд прищпорил коней.

Капеллан оказался во главе кавалькады, рядом с де Пейном.

– Вы выбрали самый трудный и самый опасный путь, мессир, – сказал монах.

– Вы действительно так думаете, брат Адамус? – спросил рыцарь.

– Я не думаю так. Я знаю, что это так, – произнес старик.

– Но я не мог принять другое решение вопреки воле большинства рыцарей, – попытался оправдываться де Пейн.

– Выбор всегда труден, добрый рыцарь. Но сейчас выбор уже сделан. Посему предупреждаю вас, что опасность впереди велика, – сказал монах.

– Вы можете сказать точнее, где эта опасность затаилась? – спросил Гуго.

– Пока нет, но я явственно ощущаю, как сгущается вокруг нас тьма. Она и впереди, и позади нас, – сказав это, монах отъехал, и вместо него к де Пейну приблизились Роже Вен и Анри Люш, разведчики графа Тулузского, получившие лошадей от де Пейна и тоже теперь скакавшие в голове отряда.

Раненый Анри Люш оказался немного моложе Роже Вена, и, к счастью, ранен он был легко: стрела пронзила ему мякоть внешней стороны левого бедра, причем зазубренный наконечник прошел почти навывлет. Яков легко извлек стрелу, а монах Адамус пошептал что-то над раной, и она перестала кровоточить и даже почти не болела. Оба разведчика, как выяснилось, родились в этих местах, и Гуго де Пейн теперь расспрашивал их о дороге.

– Когда-то вдоль этой дороги стояли деревни, и вся земля до самых гор была распаханна, а между Лангедоком и Провансом в обе стороны без опаски ездило много народу, – рассказывал Роже Вен, – Готией тогда правил маркиз, и вместо виселиц вдоль дороги строили постоянные дворы. Потом, однажды летом, граф Жеводан, который тогда был молод и делал вид, что он добрый сосед, устроил большой турнир в этих предгорьях. Конечно, он пригласил и маркиза. И маркиз приехал вместе с женой и двумя сыновьями. И все бы хорошо, но, когда маркиз возвращался обратно к себе в Монпелье, возле болот на него напали из засады и перебили всех. Сорок человек охраны пали и ничего не смогли сделать. Никто из людей маркиза не остался в живых, и никто не смог рассказать, откуда пришли убийцы. Прямых наследников у маркиза не осталось, и родственники тут же принялись выяснять отношения в борьбе за наследство. Один родственник – граф Руэрг – обвинил в вероломстве другого родственника погибшего маркиза – графа Жеводана, а тот обвинил первого и двинул на него войска. Так и началась здесь война. Много с тех пор произошло сражений и в предгорьях, и на горах. Несколько раз земли Готии переходили из одних рук в другие, но в последние пару лет Жеводан, получая помощь от короля Франции, явно одолевает Руэрга. Нашему господину, графу Тулузскому, очень не нравится вся эта возня около границ его владений. Чтобы война не распространилась до самого побережья, вскоре после гибели маркиза тулузские войска заняли Монпелье и выставили посты вдоль торговой дороги и уже несколько лет остаются там, а местность в предгорьях, как видите, разорена напрочь войной и совсем обезлюдела.

– А почему вы считаете, что именно граф Жеводан повинен в гибели несчастного маркиза? – спросил де Пейн.

– Некоторые из пленных дружинников Жеводана, захваченных графом Руэргом, признались в участии в том подлом нападении, – ответил разведчик.

– Что ж, как бы там ни было, больше всего меня сейчас интересует, как поскорее проехать отсюда к границам вашего господина, графа Тулузского. Вы можете указать нам кратчайший путь? – продолжал расспрашивать разведчика командир отряда.

– Разумеется, монсеньор. Самый короткий путь тот, которым мы следуем: вперед по дороге, – сказал бывалый солдат.

– Не зовите меня монсеньором, я простой рыцарь, у меня нет титулов, – попросил Гуго.

– Хорошо, мессир Гуго, – сказал ветеран.

– Так что нас ждет дальше на этой дороге? Где бы мы могли заночевать? И где и когда разозленный граф Жеводан может, по-вашему, подстроить нам ловушку? – поинтересовался де Пейн. Разведчик в ответ произнес:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.